

А.В. Вознюк

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ
ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ**

Житомир, 2007

УДК 11; 122
ББК 87

В 64 **Вознюк А. В. Универсальная парадигма развития. –
Житомир: Изд. ОИСЗ, 2007. – 54 с.**

ISBN 5 – 86868 – 033 – 5

Рассматриваются фундаментальные философские проблемы через призму концептуализируемой автором универсальной парадигмы развития. Книга адресована ученым, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется проблемами комплексного изучения человека.

ББК 87
© Вознюк А. В., 2007

ISBN 5–86868–033–5

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА ТЕОРИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА..	4
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	35

ГЛАВА 1. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ КАК ОСНОВА ТЕОРИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

*Кольцо существования тесно.
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что все мы рабски повторим.*

А. Блок.

Синергетика, которая изучает наиболее глубинные механизмы движения и развития любой системы, по существу выступает новой парадигмой познания, на основе которой формируется новая общенаучная картина мира. Основной концепцией этой новой парадигмы может рассматриваться эволюционная теория, как основная форма движения в природе и обществе, во Вселенной в целом. Эволюция, отражающая непрерывное и постепенное изменение, развитие, движение, обнаруживает усложнении развивающихся систем, которое внешне проявляется в разнообразии, а внутренне – в организованности. Соответственно, динамика эволюции, ее вектор описывает развитие систем по пути организованной сложности. При этом магистральной задачей эволюционной синергетической парадигмы является определение фундаментальных форм эволюционного движения как глобального эволюционизма. Рассматриваемая ниже универсальная парадигма развития обнаруживает эти фундаментальные формы, которые обнаруживают фундаментальную диалектическую схему.

Универсальная парадигма развития проистекает из факта, что всякое движение – это, прежде всего, волна, структура которой универсальна, ибо она фиксирует восходящую и нисходящую ветви, а также точки максимума, минимума и нули функции. Структурный параллелизм любых процессов иллюстрируется "законом параллелизма", сформулированным К. Кильмайером, который Э. Геккель назвал "биогенетическим законом": "на протяжении быстрого и короткого времени своего онтологического развития особь повторяет важнейшие из тех изменений формы, через которые прошли ее предки на протяжении медленного и длительного хода их палеонтологического развития по законам наследственности и приспособления" [Мюллер, Геккель, 1940, с. 149]. Принцип изоморфности структурного и динамического аспектов мира (как свидетельствует синергетика, в нелинейных системах "процессы вблизи центра сегодня идут, как они шли во всей системе в прошлом, а на периферии структуры сейчас идут, как они будут идти во всей структуре в будущем" [Курдюмов, 1988]), из которого мы исходим при концептуализации универсальной модели, позволяет сделать вывод о существовании некой универсальной парадигмы любого развития, движения, идею которой мы находим практически у всех значительных мыслителей. Подобно Аристотелю и Канту, Гегель полагал, что сущность жизни следует искать в определенной цели, являющейся причиной существования и развития

живого [Костюк, 1967, с. 28]. Гегель писал, что конечное, или результат, есть в такой же мере и первое, с чего начинается движение [Гегель, т. 4, с. 139]. Как полагал Энгельс, "начало и конец необходимо связаны друг с другом, как северный и южный полюсы" [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 67]. Единство синхронии и диахронии обнаруживается на уровне абстрактно-логического мышления, где с одной стороны наличествуют синхронические (синтетические) элементы – аксиомы логики, имеющие логический иммунитет: их невозможно ни доказать, ни опровергнуть. С другой стороны, здесь мы имеем диахронический (аналитический) элемент – разворачивающаяся цепь мысли в процессе доказательства. Ясно, что эти два элемента взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга. Кроме того, здесь можно обнаружить дихотомию аналитического и синтетического суждения и знания, которые взаимообуславливаются, когда аналитическое разворачивание мысли обнаруживает только то, что в ней находилось в свернутом, синтетическом состоянии. Гегель полагал, что аналитическое положение содержит в себе задачу как уже решенную саму по себе [Гегель, т. 4, с. 30–40], а Л. Витгенштейн утверждал, что в логике процесс и результат эквивалентны, когда доказательство есть только механический способ облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена [Витгенштейн, 1958, с. 83]. Кант трактовал синтетические суждения как расширяющие наши знания, а аналитические – как поясняющие то, что уже имелось, хотя и неявно, в посылаках [Кант, т. 3, с. 229–231; т. 2, с. 394]. Рассуждения К. Гемпеля подтверждают это: "так как все математические доказательства опираются исключительно на логические выводы из определенных постулатов, то отсюда следует, что математическая теорема, такая, как теорема Пифагора в геометрии, не утверждает ничего, что является объективно или теоретически новым по сравнению с постулатами, из которых она выведена, хотя ее содержание может быть психологически новым в том смысле, что мы не подозревали того, что оно скрыто содержалось в постулатах". Э. Мах о геометрических доказательствах писал следующее: "Но тщательно удаляя из нашего представления все, что попало сюда лишь как прибавка к конструкции, а не через силлогизм, мы не найдем в нашем представлении ничего, кроме одного исходного положения" [см. Шляхин, 1978, с. 185–187].

Рассмотрим основные аспекты концептуализированной нами универсальной парадигмы развития. Основная характеристика мира, в котором мы живем, – его двойственность, разделенность на правое и левое, светлое и темное, добро и зло... Всеобщая дихотомия, бинарное членение явлений и предметов нашего мира – едва ли не единственная его особенность, которую трудно оспорить. Дуализм есть умозрительное основание всякого движения, изменения, развития, ибо дуализм отражает состояния неравенства, несоответствия, различия, противоречия, которые предполагают взаимовлияние, взаимодействие, движение как результат и способ реализации этих состояний. Всеобщая вселенская дихотомия отражает концептуальный источник движения и развития – борьбу противоположностей. В наиболее общем схематичном

виде эта борьба прослеживается в форме развития диалектического противоречия в самой сущности всех предметов, проходящего следующие ступени своей эволюции: тождество, различие, противоположность, новое тождество, в котором снимаются противоречия между противоположностями. Налицо процесс расщепления (нарушения) состояния целостности (тождества противоположностей) развивающихся предметов и явлений и, в конечном итоге, – восстановление этой целостности на более высоком эволюционном витке. Данная схема развития диалектического противоречия, фиксирующая повторяющуюся (циклическую) смену двух противоположных состояний, целостности и дискретности (отраженных в категориях единого и множественного), – универсальна.

Как писал П.К. Анохин, "с широкой биологической точки зрения, также как и с точки зрения философского анализа роли пространственно-временной структуры мира, движение материи по последовательным ритмически повторяющимся фазам является универсальным законом, определяющим основную организацию живых существ на нашей планете" [Анохин, 1978, с. 14]. Таким образом, ритм, который имеет четкую волновую структуру, есть глобальной универсалией бытия [Зубаков, 1973, с. 23], о чем свидетельствует ведический канон: богами в древней Индии называли существа, которые поддерживали риту – великий принцип космического порядка, который противостоит принципам хаоса и энтропии [Brown, 1972, p. 57-67]. Более того, можно говорить об существовании закономерности любого развития. Все многообразие процессов во Вселенной находится в режиме колебаний, циклическая структура которых описывается законом "троей", или законом распределения случайных величин, который называется "расстоянием между максимумами временного ряда", из которого следует, что "закон распределения событий не зависит от характера этого случайного ряда" [Розеберг, 1987].

Универсальная схема развития отражена в сфере диалектики симметрии-асимметрии, наиболее общей парной категории философии и естествознания [Вернадский, 1983]. Данные различных наук свидетельствуют, что явление симметрии-асимметрии приобретает черты основополагающей теоретической идеи [Жог, 1984]. Принцип симметрии-асимметрии обнаруживает все большее значение с развитием науки как формы общественного сознания, которая констатирует, что по мере усложнения процессов природы все в большей степени проявляется асимметрия [Кизель, 1985, с. 118].

Симметрию в наиболее общем приближенном виде можно определить как соразмерность, организованность, однородность, тождественность, целостность, цикличность, простоту, а асимметрию – как беспорядок, неоднородность, непропорциональность, множественность, линейность, сложность в организации тех или иных систем. При этом асимметрия не исключает и элементы симметрии, когда множественно-неоднородная асимметрическая среда из неорганизованного состояния переходит в организованное, а структурные различия между ее элементами нивелируются за счет их

функционально-системной согласованности в процессе взаимодействия [Карташев, 1995]. В целом, можно сказать, что "симметрия – это категория, обозначающая процесс становления и существования тождественных моментов в определенных условиях и определенных отношениях между различными и противоположными явлениями мира; асимметрией называется категория, которая обозначает существование и становление в определенных условиях и отношениях различий и противоположностей внутри единства, тождества, цельности явлений" [Готт, 1972, с. 370-375].

Понятия симметрии и асимметрии, будучи системными категориями, взятые в их диалектическом единстве, преломляют практически все парные категории философии и естествознания, упрощая и унифицируя их содержание. Нужно отметить, что использование явлений симметрии и асимметрии в терминах явлений иного рода, отраженных в парных философских категориях (таких, как единое и множественное, трансцендентное и имманентное, часть и целое, простое и сложное, причина и следствие и т.д.) иллюстрирует пример использования научной метафоры [Теория метафоры, с. 5-32], помогающей упорядочить разнообразные представления, привести их к некоему общему теоретическому "знаменателю", построить некую простейшую теоретическую модель развития.

Схему развития диалектического противоречия можно записать следующим образом: тождество (нечто единое, симметрическое), различие (процесс расщепления единого, акт нарушения симметрии), противоположность (нечто множественное, асимметрическое). Таким образом, мы имеем два сменяемых друг друга состояния: симметрию (единство противоположностей) и асимметрию (различие и противоположность полярных начал: как указывал Гегель, противоречие и противоположность являются, по сути, единым моментом, а контрарное можно определить как контрадикторное [Гегель, т. 6, с. 49]).

Взаимный переход симметрии и асимметрии (континуальности и дискретности, непрерывности и прерывности, циклических и линейных связей и отношений) отражен во взаимодействии двух причинных факторов, концептуализированных в рамках принципов детерминизма и индетерминизма. С позиции детерминизма причина и следствие рассматриваются как дифференцирующиеся в пространстве и времени дискретные сущности, "как отдельные звенья универсального взаимодействия" [Фил. эцикл. словарь, с 531], в котором каждому следствию предшествует определенная причина [Аскин, 1974], а причинно-следственные связи имеют линейный, диахронический, асимметрический характер. Как писал П. Кюри, "нет действия без причины. Действия – это явления, для возникновения которых всегда необходима некоторая диссимметрия" [см. Брагина Доброхотова, 1988, с. 75]. С позиции индетерминизма причина и следствие как отдельно полагающиеся дискретные сущности не дифференцируются, при этом причинно-следственные связи, если здесь их так можно называть, приобретают циклический, синхронический (симметрический) вид, а причина и следствие выступают, по сути, одним и тем же. Нужно

отметить, что данная синхроническая (симметрическая) причинность находит свое концептуальное отражение в ведизме и буддизме. Индетерминизм, то есть циклический детерминизм (или циклопричинность [Кузьмин, 1996, с. 72]) утверждает отношения между причиной и следствием, то есть между прошедшим, настоящим и будущим с позиции принципа "все во всем", когда причина и следствие, настоящее, прошедшее и будущее не дифференцируются: "порождение причиной следствия происходит не от прошлого к настоящему (а от него к будущему), а от того, что есть, к тому, что становится" [Лолаев, 1996, с. 55]. Нужно отметить, что принцип циклопричинности находится у истоков понимания Вселенной, которую на Востоке изображали в виде змея, кусающего свой хвост.

Следует признать, что два вида причинности, симметрический и асимметрический, являются двумя "равноправными", дополняющими друг друга сущностями. Данный вывод вытекает из наличия явления "непричинных связей", "когда события внешне независимые оказываются... взаимосвязанными разумным образом. К событиям подобного рода относятся, например, официально зарегистрированные случаи необычных совпадений, выходящих далеко за пределы случайности" [Девис, 1989, с. 242]. Феномен непричинных синхронических (симметрических) связей, который анализируется в работах К. Юнга (где он рассуждает об некоем процессе, пересекающем пространство-время и упорядочивающем события, когда события психической и физической реальностей приобретают параллельное значение), В. Паули, П. Девис, Н.А. Козырева и др. [Козырев, 1982; Фомин, 1990], находит свое воплощение в сфере квантовых процессов, при которых обнаруживается феномен непричинного согласования квантовых взаимодействий [Цехмистро, 1981, с. 144–145].

Единство линейной и циклической причинностей, переходящих друг во друга, отражено в плоскости высших психических функций человека, а именно – на уровне взаимодействия полушарий головного мозга, функционально дополняющих и последовательно сменяющих друг друга в процессе работы. Как мы уже писали, правое полушарие функционирует в аналоговом, симметрическом, "синхроническом" режиме, отражая мир по принципу "все во всем", сближаясь с циклическим детерминизмом и соотносясь с таким видом материи, как поле, характеризующееся свойством непрерывности, континуальности. Левое же полушарие, напротив, работает в дискретном, "диахроническом", линейно-аналитическом "пространстве" психики, сближаясь с принципом линейного детерминизма и соотносясь с таким видом материи, как вещество, характеризующееся свойством прерывности, дискретности.

Взаимный переход симметрии и асимметрии, циклично-континуальных и дискретно-линейных связей и отношений, формирующих спираль развития, прослеживается на уровне живых систем, в которых с одной стороны наличествует процесс линейного следования состояний организмов, процесс смены форм в цепи эволюционного развития, а с другой, – наблюдается явление

цикличности, саморазвития, когда организмы оказываются способными к самопорождению и выступают как причиной, так и следствием по отношению к самим себе [Югай, 1976, с. 22-23; Эйген, Шустер 1982], когда, как писал Гегель, "конечное, или результат, в такой же мере есть первое, с чего начинается движение и собственная цель, претворяемая им в действительность" [Гегель, т. 4, с. 139], а само развитие при этом может пониматься как "замыкающаяся на себя петля времени", когда "с самого начала забрасывается вперед вся потенциальная сеть целого. Дальнейшее развитие лишь актуализирует отдельные звенья, раскрывая потенции целого по сегментам, подобно лепесткам цветка" [Кузьмин, 1996, с. 75]. Таким образом, можно констатировать вместе со Шри Ауробиндо, рассуждая о цели развития живых систем, что "цель находится позади нас, а также впереди нас, и внутри нас. Эволюция – это вечное распускание цветка, который всегда был цветком" [Сатпрем, 1989, с. 156]. Об этом же пишет и Н.А. Бердяев, когда утверждает, что "онтологически прошлого нет, как нет и будущего. А есть лишь вечно творимое настоящее" [Бердяев, 1994, с. 287].

Единство симметрической и асимметрической причинностей в контексте развития форм жизни предполагает и единство креационизма и эволюционизма как двух противоположных точек зрения на проблему происхождения видов живых существ, а также единство категорий части и целого, элементарности и сложности [Югай, 1976, с. 22-23]. Данное единство, обнаруживающееся пока еще концептуально, подготавливается переоценкой научных "ценностей", процесс которой мы переживаем в настоящее время, становясь свидетелями крушения классической "научной" парадигмы (статичной, детерминистской, линейно-причинной, редукционистской) и становления "новой парадигмы (динамичной, нелинейной, циклически-причинной, холистической)" [Кузьмин, 1996, с. 67].

Взаимный переход симметрии и асимметрии, простого и сложного есть универсальный принцип жизни и вообще всякого развития: "Существует общий биологический принцип развития, в соответствии с которым чем выше уровень организации функций, тем более выражена их дифференциация между различными системами" [Ротенберг, Бондаренко, 1989, с. 170, см. также: Моисеев, 1991, с. 9; Пригожин, 1985], тем выше уровень асимметрии организма. В конечном итоге все живое умирает, распадается, асимметрия нивелируется и приводится к симметрии в виде изначальных зародышевых форм жизни, что находит свое отражение в мифологическом представлении об "умирающем зерне", дающем жизнь новым зернам. В Алмазной сутре буддизма говорится: "Я должен привести к уничтожению все существа. После же уничтожения живых существ в действительности ни одно существо не бывает уничтожено. И по какой причине?" [Торчинов]

Синергетика, наука о нелинейных системах и принципах самоорганизации и самодвижения материальных форм, также констатирует, что разрушение является неотъемлемым условием всякого развития.

Взаимное обращение симметрии и асимметрии фиксируется на уровне фундаментальных организменных процессов – анаболизма (ассимиляции, построения организменной симметрии) и противоположного процесса катаболизма (диссимиляции), соотносящихся с эрготропными и трофотропными физиологическими функциями, с активностью симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы [Кассиль, 1978, с. 49]. На уровне генетической информации организмов также фиксируются две противоположные функции – типологизация и индивидуализация развития, соотносящиеся с симметрическим, аналоговым (типологическим) и асимметрическим (индивидуальным) биоэкологическими измерениями [Марютина, 1994].

Взаимодействие симметрии и асимметрии реализуется на уровне всего человеческого организма, который по словам В.В. Бунака, "представляет собой как бы два рано дифференцировавшихся по продольной оси полуиндивида, правого и левого, развивающихся совместно" [Бунак, 1926]. В более специфическом виде данное взаимодействие прослеживается в сфере функциональной асимметрии полушарий головного мозга, где преломляются высшие психические функции человека и животных. В онтогенезе и филогенезе человека и животных наблюдается постепенное нарастание полушарной асимметрии, движение от симметрии к асимметрии, наибольшая выраженность которой достигается к зрелому возрасту. Затем, по мере старения организмов функциональная асимметрия полушарий постепенно нивелируется [Псих. словарь, с. 23]. Правое полушарие, являясь функционально более древним, чем левое, обнаруживает большую генетическую обусловленность по сравнению с левым полушарием [Роль среды...]. Правое полушарие при этом можно соотнести с инстинктивно-бессознательной стороной психической деятельности [Херсонский, 1991; Спрингер, Дейч, 1981]. Левое же полушарие, характеризующееся вербально-логической стратегией обработки информации, поступающей к человеку, можно сопоставить с личностно-сознательным аспектом психики, ибо, как показали исследования А.Р. Лурия [Лурия, 1974], люди, не владеющие в полной мере левополушарным мышлением, оказываются не способными анализировать свои личностные качества и, по-видимому, не обладают ими. Поэтому эволюция человека как в онто-, так и в филогенезе идет от подсознательно-инстинктивного к сознательно-личностному аспекту человеку, дифференцируясь по признакам полового диморфизма. То есть, как писал З. Фрейд, "там где было Оно, должно стать Я". На уровне материи данное движение воплощается в концепции развития Вселенной от ее полевого к вещественному аспекту, от микромира к макромиру, от первичной квантово-вакуумной нерасчлененности материи к последующей ее дифференциации на полевую и вещественную составляющие.

Кроме того, как мы писали, право- и левополушарные функции, специализируясь по признакам полового диморфизма, являются

своеобразным психосоматическим фокусом (высшим психическим регулятором) человеческого организма.

Таким образом, можно говорить о правополушарной (симметрической) и левополушарной (асимметрической) фазах, сторонах жизнедеятельности человеческого организма, процесс смены которых согласуется с законом, открытым Д.Б. Элькониным. Он показал, что через определенные промежутки времени в процессе развития индивида происходит чередование фаз мотивационно-потребностной и операционально-технической сфер личности, когда за деятельностью по ориентации в системе отношений (которую можно сопоставить с правополушарной функцией) следует деятельность, в которой наблюдается ориентация в способах употребления предметов (ее можно соотнести с левополушарной функцией) [Эльконин]. Взаимное обращение симметрии и асимметрии прослеживается и на уровне координации сознательного и бессознательного аспектов психических функций, способных переходить друг во друга, когда знания трансформируются в навыки. Как пишет С.А. Рубинштейн [Рубинштейн, 1975], любое сознательное действие в результате упражнений автоматизируется, приобретает качество навыка, перестает осознаваться, быть действием, если под таковым понимать акт, направленный на осознанную цель. Таким образом, знание как деятельность, диахроническая, телеологическая категория, способна преобразовываться в навык (синтетическую, синхроническую категорию) посредством повторяющихся действий (упражнений), представляющих собой синхронно-циклическое явление. В дальнейшем навык интегрируется в сферу нового знания, полученного в результате научно-практического постижения мира, а это новое знание, автоматизируясь, трансформируется в новый навык. Интересно, что всякое автоматическое действие включается в правополушарный, а неавтоматическое – левополушарный контексты психической деятельности человека. Нужно сказать, что становление личности также рассматривается исследователями как процесс смены трех фаз – адаптации, индивидуализации, интеграции [Псих. разв. личн., с. 98-100]. Здесь адаптация выступает как интегративный процесс, индивидуализация – как процесс расщепления социальной целостности, а интеграция – как повторение начальной фазы, но на более высоком уровне развития.

Процесс решения задачи, проблемы также обнаруживает фазы право- и левополушарной активности, сменяемые друг друга, когда принцип решения той или иной задачи кристаллизуется сначала на невербальном (правополушарном) уровне, а затем вербализуется, вводится в сферу левополушарного мышления [Тихомиров, 1984, гл. 4].

В этом отношении показательна теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, анализирующая механизмы взаимного перехода внутренней и внешней сторон психики человека в процессе онтогенетического развития, и другие подобные теории [Павленко, 1995]. Особо можно отметить взгляды К. Домбровского. Согласно его концепции "позитивной дезинтеграции" развитие есть

процесс дезинтеграции сложившихся структур и функций и их постепенная интеграция на более высоком уровне [Dambrowski, 1964]. Эта концепция весьма близка взглядам В.И. Вернадского и И. Пригожина о том, что порядок поддерживается через флуктуации: открытые системы эволюционируют по пути развития новых режимов сложности, в результате чего эти системы "перенасыщаются" энтропийными продуктами распада и вынуждены саморазрушаться, мутировать в направлении новых режимов сложности. Нечто подобное мы встречаем в философской системе Г. Спенсера, которую он назвал "синтетической философией". Согласно Г. Спенсеру, в основе развития мира и общества лежит закон эволюции, определяемый как "интеграция материи и сопутствующее ей рассеивание движения", когда "материя переходит из состояния неопределенной, безсвязной однородности в состояние определенной связной разнородности". Этот закон Г.Спенсер полагал универсальным и пытался проследить его действие в различных сферах человеческого бытия [Спенсер, 1897, с. 331]. Спенсеровский закон воплощен в схемах смены социально-исторических типов общества, по К.Н. Леонтьеву [Леонтьев, 1912, т. 5, с. 188-197], Е.А. Донченко [Донченко, 1994, с. 49], П.А. Сорокину [Сорокин, 1992] и др. У П.А. Сорокина три культурно-аксиологические типа общественного устройства соотносимы с тремя психическими модусами человека – левополушарным (асимметрическим), правополушарный (симметрическим) и "центральный". В его рамках полушарные процессы функционально синхронизированы, а он в данном случае является как бы мостиком, через который правополушарные процессы трансформируются в левополушарные. Подобно этому идеалистический тип общественного устройства у П.А. Сорокина является переходным между двумя полярными типам – чувственным и сверхчувственным. Данные три социально-психологические измерения человека и общества соотносимы с тремя формами постижения мира человеком – с чувственной, рациональной и медитативной [Урманцев, 1993].

Рассмотрим некоторые гносеологические проекции закона взаимного обращения симметрии и асимметрии. Религиозно-мифологическое мышление, являясь выразителем правополушарного целостно-синкретического постижения мира, проводит мысль, что все сущее создано Богом из "ничего" (2 Мак. 7, 28) посредством расщепления (дихотического разделения) его на свет и тьму (нечто позитивное и негативное, мужское и женское)... Это приводит к бытийному состоянию сотворенности мира (как феномена асимметрии, – вспомните слова П. Кюри о диссимметрии как причине действия, движения, то есть самого мира). В конечном итоге, противоположные начала взаимоотноенствуют и восстанавливают состояние первоначального единства, "блудный сын" возвращается в "отчее доно", а человек, как указывал Лао-цзы, соединяет в одном лице противоположные начала: "познает мужественное и все же остается женственным" [см. Капра, 1994, с. 125].

Расщепление единого жизненного принципа на мужское и женское начала мы встречаем в индуизме [Упанишады, 1992]. Космогонические представления многих народов мира включают в себя принцип полового диморфизма, который отражен в современной концепции В.А. Геодакяна о двух "альтернативных аспектах" эволюции человечества, связанных с процессами взаимодействия полов [Геодакян, 1989]. При этом женский пол можно соотносить с категорией симметрии (отвечающей "консервативной тенденции" эволюции, по В.А. Геодакяну), а мужской – асимметрии ("оперативная тенденция"). Такая "расстановка сил" адекватна объективному положению вещей: у мужчин полушарная асимметрия имеет большую выраженность, чем у женщин, поведение которых в известном смысле более "симметрично", чем мужское [Русалов, 1993].

Мифологические представления о космогенезе универсальны. Они характерны для всех народов мира. Следует констатировать, что "сознательно или бессознательно религии признают некоторый беспорядок, некоторое нарушение, которое следовало бы восстановить" [Секретан, 1990, с. 347; см. также: Еременко, 1995; Элиаде, 1987; Топоров, 1973, 1982]. Мифологически акт "сотворения мира" напоминает нам покидание рождающимся ребенком материнского лона ("райской обители"), где он пребывал в полной гармонии (симметрии) с материнским организмом, составляя с ним единое целое. Затем имеет место процесс разворачивания асимметрии человека и окружающего мира, воспринимаемый как "проклятие свыше", как фактор психических и телесных недугов, преодолеваемый в рамках некоторых методик психотерапии [Цапкин, 1992, 1994]. Бытийная асимметрия делает человеческое существо чужаком в собственном мире [Анчел, 1979], утратившим изначально сокровенное Единство. Поэтому человек, как пишет Э. Фромм в работе "Психоанализ и религия", "стремится преодолеть этот внутренний разрыв, он мучим желанием "абсолютности", той гармонии, которая снимет проклятие, разделившее его с природой, с другими людьми, с самим собой" [Фромм]. Налицо циклическая замыкающаяся схема акта творения и жизни как "вечного возвращения", которая принимает форму спирали, если мы совместим ее с линейной эволюционной схемой.

Нарушение симметрии, расщепление единого на множественное – одно из основных откровений философской мысли. Так Николай Кузанский разрабатывал неоплатоническую идею эманации, вечного порождения неограниченным ограниченного, единым множественного, когда Бог, являясь неограниченной возможностью всего сущего, абсолютным единством, оказывается содержащим в Себе в "свернутом" виде все бесконечное разнообразие природного и человеческого мира, способного разворачиваться, актуализироваться [см. Соколов, 1984, с. 54]. Здесь мы имеем представления о процессе перехода синтетического знания в аналитическое [Шляхин, 1978], потенциально-возможного в актуально действительное, что находит свое отражение в положениях квантовой физики: потенциальный (вероятностный) аспект мира является его фундаментальной характеристикой, а на квантовом уровне

Вселенной потенциальное и актуальное не дифференцируются. Сближение научного и мифологического знаний, которое мы здесь наблюдаем, обнаруживает феномен "знания до познания" [Крымский, 1991; *Казначеев В. П., Спирин*].

Можно привести и учение Оригена, которое примерно в такой же форме трактует проблему космогенеза: первоначально все творения божий образовывали единство в силу идентичности (симметричности) своей сущности, а затем, "охладев к божественной любви", восприняли тела и приобрели имена. Спасение при этом возможно как "возвращение к изначальному состоянию богосозерцания, к единству с Богом". Данный процесс у Дионисия Ареопагита выступает как "двойное движение" (сравните с гегелевским "двойным переходом"), которым пронизан мир: с одной стороны мы наблюдаем нисхождение "динамис" (сил) Бога, в которых наличествует "тотальное присутствие Всевышнего", "умножающегося без оставления Своего единства", а с другой – процесс восхождения, обожения твари [Клеман, 1994, с. 330]. То есть единый Бог "умножается", а множество тварей приходят к единству в Его лоне. Этот процесс можно сопоставить со словами Н.А. Бердяева: "рождение света во тьме, переход от хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия" [Бердяев, 1990, с. 54].

Нужно отметить, что религиозное сознание иллюстрирует диалектику взаимного перехода симметрии и асимметрии в следующей диалектической схеме. Триада "тезис – антитезис – синтез" отражена в первом стихе первой главы Евангелия от Иоанна, где сказано, что "В начале было Слово" (это тезис, утверждение Слова как изначального сущего), "и слово было у Бога" (антитезис, утверждение Бога как изначального сущего, а Слово в данном случае выступает атрибутом Бога), "и Слово было Бог" (синтез, единство двух посылок).

В системе теософии мы также встречаемся с подобным "сценарием" развития мира. Е.П. Блаватская отмечает, что сущее произошло в процессе расщепления Единого на множественное, когда Гомогенность трансформировалась в Гетерогенность [Блаватская, 1994, с. 50-62]. Как пишет Шри Ауробиндо, творец "интегральной йоги", "в начале... было Вечное, Бесконечное, Единое. В середине... находится конечное, преходящее, Множественность. В конце... будет Единое, Бесконечное, Вечное. Но когда же было начало? Нет такого момента во времени, поскольку начало существует каждое мгновение" [Сатпрем, 1989, с. 259]. Данная мысль перекликается с принципом циклопричинности, правилом "все во всем", а также с суфийской мудростью о том, что Аллах творит мир перманентно. Неопределенность начальной и конечной точек эволюции бытия (Вселенную принципиально невозможно определить как конечную, либо как бесконечную в пространственно-временном отношении [Кармин, 1981, с. 162-214]) приводит к тому, что пространственно-временные рамки Вселенной сакрализуются: Иисус Христос говорит о Себе как о начале и конце, Альфе и Омеге (Откр. 1, 8). ("Ибо все из Него, Им и к Нему" (Рим. 11, 36), а Господь Кришна определяет Себя как начало, конец и середину всех

творений (Бхагавад-Гита, 6, 7). В Талмуде (глава 2 трактата "Хагита") говорится следующее: "Тому, кто размышляет о следующих четырех вещах, лучше бы не родиться на свете: Что ниже и что выше, что прежде и что после." [см. Нилус, 1998, с. 268].

В индуизме со схемой взаимного обращения асимметрии и симметрии мы встречаемся, когда читаем, что единый Брахман разделяется на множество Атманов – индивидуальных душ [Костюченко, 1983]. У Лейбница этот процесс воплощается в учении о монадах, которое декларирует принцип порождения единым Богом всей совокупности бесконечно разнообразных монад, при этом на уровне отдельного индивида данный процесс понимается Лейбницем как движение от души к духу (то есть от чувственности к рассудочности) (см: 1 Кор. 15, 43–48,) от перцепции к апперцепции. В философии даосизма сущее рассматривается как рождающееся из некоего первоначала (Тайцзи) посредством разделения его на две элементарные форма (силы Инь и Ян). "Единое в даосизме означает Абсолют в состоянии неизреченности, которое предшествует всем явлениям: его творческое начало реализуется через двойное движение – через разделение одного надвое и через новый синтез. Из этих метаморфоз возникает бесконечность" [Завадская, 1975, с. 215].

В современной философии, антропологии, психологии процесс эволюции живых форм также понимается как явление расщепления фундаментальной симметрии организмов и сред, как переход от простого к сложному [Пригожин, 1985] в результате "биологического взрыва" [Морозов, 1984]. А язык произошел в результате "большого лингвистического взрыва" [Арапов, 1988]. Современная космология интерпретирует процесс рождения Вселенной примерно в такой же форме, когда утверждает, что она возникла в результате "взрыва" из "симметрического" "пра-вещества" (фундаментальной вакуумной симметрии, сингулярного состояния материи и т.п.) посредством расщепления его на вещественную и полевую составляющие [Зельдович. 1981; Новиков 1988]. Как полагает Г.И. Наан, рождение Вселенной есть процесс расщепления Нечто на Нечто и Антинечто (на избыточную и недостаточную сущности, плюс и минус), что приводит к актуализации всех известных физических явлений [Наан, 1966].

Развитие языка шло по вышеприведенной схеме. Сначала имел место процесс расщепления "языковой материи" [Бунак, 1961], "вавилонское столпотворение", движение от синкретизма к аналитизму, от речевой практики как процесса коммуникации (динамической, континуальной, симметрической категории) к языку как системе знаков (статичной, дискретно-структурной асимметрической категории). Это привело к поляризации языка и развитию помимо естественных и точных ("жестких", по словам В.В. Налимова [Налимов, 1974, с. 10-13]) языков. Известно, что аналитический и синтетический аспекты языка и его уровней сменяют друг друга в процессе развития человечества. Современное состояние общества обнаруживает необходимость использования языка, который бы сочетал в себе однозначность и точность научных (левополушарных) и многозначность, метафоричность

естественных (правополушарных) языков. Путь развития языка отражен в следующем факте. Есть данные, что древние формы письма носили нелинейный, целостный, симметрический характер (их можно назвать "мифограммами"). Это древнее нелинейное письмо было, как пишет Ж. Деррида, "побеждено" линейным, аналитическим письмом [см. Суботин, 1993]. Современное мышление, преодолевая разобщенность предметно-образного (правополушарного) и абстрактно-логического (левополушарного) аспектов познания мира, становится все более целостным, нелинейным и это начинает отражаться в формах письма. Один из "симптомов" данного явления – экспансия метафоры (как средства формирования "симметрического" смыслового контекста, как сущности, стремящейся объединить противоположности) в разные виды дискурса [Теория мет.].

В плане социогенеза можно говорить об изначальном этапе целостного, симметрического состояния общества, оперирующего мифологическим мышлением, в рамках которого субъект и объект, предмет и знак, вещь и слово, существо и его имя, происхождение и сущность, причина и следствие, начало и принцип слиты так или иначе воедино [Миф. словарь, с. 653–654]. При этом миф не знает различия между естественным и сверхестественным. Затем этап "мифологического общества" сменяется периодом социально-экономической, классово-политической дифференциации и развитием рационального (левополушарного) мышления. Время от времени мифологическая и рациональная стороны общественного сознания меняются местами, когда на смену рациональным нормам мышления приходят мифологические доктрины, ибо мифологический строй ума свойственен всем временам и народам [Пучинская, 1996]. Таким образом, в процессе этногенеза правополушарный ("чувственный", по П.А. Сорокину [Сорокин, 1992]) и левополушарный (идеациональный, т.е. сверхчувственный, по П.А. Сорокину) аспекты общественного сознания меняются местами. Можно сказать, что в настоящее время мы переживаем период относительной "симметризации" человека и общества, характеризующийся устранением классовых противоречий в западном мире, когда на историческую сцену выходит средний класс и затухают идеологические противоречия "Востока и Запада", коммунизма и капитализма, правых и левых политических сил. При этом даже поднимается вопрос о "конце истории" [Фукуяма, 1990; Дилигенский, 1991]. В связи с этим можно отметить и сближение восточных и западных философских школ. Речь идет о близости доктрин экзистенциализма, феноменологии и буддизма [Козловский, 1977, с. 102], а также гуманистической психологии и восточных этических учений [Rogers, 1980, p. 41-42]. Гуманистическое направление психологии (и педагогики) рассматривает добро и зло (достоинства и недостатки человека), которые в рамках западного картезианского мышления разводятся по полюсам, как переходящие друг во друга "равноценные" ресурсы психики, что свойственно восточному миросозерцанию. Можно говорить и о синтезе материализма и идеализма, которые, по словам Г.Гюнтера, выражают

одно и то же, различны лишь знаки суждений [см. Янков , 1979, с. 82, 178–192].

В целом, характеризуя динамику социальной эволюции, можно сказать, что колыбелью человечества являются примитивные сообщества, которые занимаются охотой и собирательством. На этом уровне социумы характеризуются равномерной социальной структурой, которую можно определить как "нищий коммунизм", хотя низкий уровень развития потребностей представителей этих социумов, а также преизбыточность природных ресурсов [Фромм, 1994, с.130] позволяет нам назвать эти общества "райскими сообществами изобилия", отличающимися высоким уровнем социальной синергии (спаянности). Затем примитивный социум в эпоху неолитической революции расщепляется на два противоположных плана - матриархальный и патриархальный. При этом развитие получают сначала матриархальные (матрицентрические) сообщества, в которых уровень социальной синергии остается достаточно высоким. Здесь роль матери и матери-богини была центральной. Общества этого периода характеризуются низким уровнем агрессии, спаянностью, пластичностью. В эпоху неолита женщин вобщем было больше, чем мужчин, а развитие земледелия, коренным образом преобразовавшее весь облик примитивных сообществ, было делом в основном женщин. Дух матриархальности можно показать при помощи наблюдений Дж. Баховена [см. Фромм, 1994, с. 141]:

"Чудо материнства - это такое состояние, когда женщину заполняет чувство причастности ко всему человечеству, когда точкой отсчета становится развитие всех добродетелей и формирование благородной стороны бытия, когда посреди мира насилия и ббед начинает действовать божественный принцип любви, мира и единения. В заботе о своем еще не родившемся ребенке женщина (раньше, чем мужчина) научается направлять свою любовь и заботу на другое существо (за пределами собственного Я), а все свои способности и разум обращать на сохранение и украшение чужого бытия. Отсюда берут свое начало все радости, все блага жизни, вся преданность и теплота и всякое попечение и жалость... Отцовскому принципу ограничения противостоит материнский принцип всеобщности; материнское чувство не знает границ, как не знает их сама природа. В материнстве берет свои истоки и чувство братства всех людей, сознание и признание которого исчезли с образованием патриархата".

Далее наблюдается переход к патриархату, который тот же автор сравнивает с матриархатом следующим образом: "Семья, построенная на принципах отцовского права, ориентируется на индивидуальный организм. В семье же, опирающейся на материнское право, преобладают общие интересы, сопереживание, все то, что отличает духовную жизнь от материальной и без чего невозможно никакое развитие" [там же]. В наше время, вероятно, наблюдается процесс интеграции мужского и женского начал и выход на качественно новый уровень социального устройства.

Необходимо отметить, что идея развития человека и общества и космоса в целом от континуально-полевого к дискретно-вещественного состояния не является откровением для современной науки. В.П. Пушкин пишет, что на первой стадии развития жизни на планете мы наблюдаем всеобщую информационную взаимосвязь организмов с миром, что является условием отсутствия индивидуальности: "той растворенности отдельного организма в единой системе – биосфере, которая имеет место на уровне растительного мира. Возникновение осособленных, способных самостоятельно передвигаться организмов (животных) приводит к отрицанию той глобальной связи с миром: к выделению организма как некоторого субъекта и противопоставлению его остальному миру. Выключение субъекта из всеобщей системы информационной связи, – пишет далее тот же автор, – является, выражаясь языком Гегеля, первым отрицанием в развитии этой системы. Духовное развитие человека приводит к развитию этой всеобщей информационной связи, но уже на высшей ступени такого развития" [Дубров, Пушкин, 1990, с. 131].

Таким образом, налицо диалектика таких явлений, которые получили обозначение как "распредмечивание и опредмечивание", а также вещественная (белково-нуклеиновая) и полевая формы жизни, сменяющие друг друга в процессе эволюции человека и общества, когда человек переходит от "райского", полевого, "соборного" к социальному состоянию, облачаясь в "одежды кожаные", или, как пишет Е.П. Блаватская, переходит от "полевого существа первой расы" к "вещественному существу" последующих рас. Данный вывод согласуется с утверждением В.П. Казначеева и Е.А. Спирина о том, что группы протогомид (ранние человеческие популяции, "человекостаи") существовали в условиях единой полевой организации, объединяющей ансамбли нейронных констелляций головного мозга каждого члена таких групп, которые "могли функционировать как единый неделимый "организм" на некоторой территории" [Казначеев, Спиринов, 1991, с. 120–124]. Это способствовало возникновению "разумной формы живого вещества", соотносимой с ноосферой В.И. Вернадского, коллективным бессознательным К. Юнга и т. д. "Развитие труда, культуры, социальной, семейной организации привело к тому, что первичные полевые формы разумного живого вещества, – пишет В.П. Казначеев, – "погрузились", "замаскировались" в новых социальных доминантах", сохраняясь в рамках мифолого-религиозного мышления и деятельности. При этом "каждый из нас в своем жизненном цикле проходит стадию интенсивного погружения в полевую организацию – в эмбриональный период, затем в раннем детстве до трех–пяти лет" В дальнейшем полевые взаимодействия нивелируются "системами современного воспитания, обучения, усвоения правил жизни (социальных ролей)". Ранняя полевая форма жизни, пишет В.П. Казначеев, обязана своим существованием "слабым экологическим связям", а реализация свойства полевой организации в ранних человеческих популяциях связана с мифологическим целостно-полевым мирозерцанием древних: сочетающимся с обрядами – "синкретическими действиями", одно из

которых – "триумфальная церемония", которую исследует К. Лоренц. "Эта церемония, состоявшая в отработанных массовых проявлениях "героического энтузиазма" (ритуальный триумфальный крик), была связана с большими психофизическими затратами, – пишет В.П. Казначеев, – и, несомненно, активизировала полевую организацию по крайней мере раннего человека". Аналоги же триумфальной церемонии можно найти в явлениях современной массовой культуры, например в рок-культуре [там же, с. 120–124].

Можно говорить про три этапа производства: натуральное феодальное хозяйство, простое товарное производство и капиталистическое производство. Натуральное хозяйство целостно, здесь мы наблюдаем состояние относительной автономности, самодостаточности, цикличности, симметричности производства. Товарное же производство обычно характеризуется как атомарное, временное, неустойчивое, раздробленное [Гурьев, 1973, с. 26]. Капиталистическое производство в его высших образцах является относительно самодостаточным и цикличным (циклы экономического подъема и падения), целостной и высоко организованной сущностью, несмотря на то, что капиталистическим производством правят законы конкуренции и анархии, вносящие в экономические процессы элементы хаоса. Но, как показывает синергетика, наука о нелинейных системах, хаос является в высшей степени упорядоченной сущностью. То есть хаотичность экономических процессов – залог их упорядоченности и гомеостатичности. Процесс трансформации натурального производства в товарное предполагает расщепление натурального способа, разделение его на мануфактуру и земледелие, когда симметрия нарушается. И вообще, развитие общественного производства идет по пути нарушения симметрии и расщепления единого пра-экономического континуума на полярные сущности, такие как город и деревня, умственный и физический труд, товар и сырье, сфера материального производства и сфера услуг, производство средств производства и производство предметов потребления, спрос и предложение и т.д.

Итак, сначала в человеческом обществе существовала симметрия, баланс между производством и потреблением, когда на протяжении 10 тыс. лет, до XVIII столетия практически не наблюдался рост прибыли на душу населения. Известно, что древние державы (Афины, Рим, Вавилон, Египет, Персия) владели сказочным богатством, которое было фактически отобрано ими в результате захватнических войн [Грейсон, О'Дейл, 1991, с. 74–75].

Потом имеет место процесс дифференциации рассмотренных дихотомических элементов. Человек все больше отчуждается от результатов своего труда. Начинает формироваться экономика как структурно-атомизированная сущность. Истоки современной экономики совпадают по времени со становлением ньютоновской науки. До XVI века не существовало понятия чисто экономических явлений, изолированных от структуры самой жизни. Не было также и национальной системы рынков. Экономика как таковая, связанная с

частной собственностью кристаллизуется в эпоху возрождения вместе с подъемом индивидуализма, левополушарного начала человека.

Потом, при углублении атомизации экономических процессов (анархии и конкуренции), начинают обнаруживаться противоположные процессы интеграции экономических явлений. Получают развитие процессы интенсивного углубления международного разделения труда. Человеческое общество начинают рассматривать как органическое целое, в котором идеология, технология и экология одинаково важны. Экстенсивное направление производства начинает себя изживать, чему способствует непомерная зависимость от энергии и природных ресурсов. Как отмечает А. А. Зиновьев [Зиновьев, 1994, с. 114], данный порядок вещей был характерен для советского общества, которое характеризовалось процессами снижения интенсивности "обмена веществ" как внутри общества, так и между обществом и его средой. "Усиливается тенденция к чисто физическому (пространственному) росту тела общества, – одна из глубоких причин стремления Советского Союза к расширению за счет других мест планеты. Усиливается тенденция к хищнической эксплуатации природы и к паразитизму за счет своего окружения". Данные процессы наблюдаются и в капиталистическом мире, где чрезвычайно высокие вложения в капитал, а не труд приводят к инфляции и массовой безработице, которые чередуют друг друга. Человеческая цивилизация сталкивается с социальными, психологическими, концептуальными ограничениями раньше, чем с ограничениями чисто физическими. Возникает потребность использовать социальные и экологические параметры в экономических моделях. Распространяется мысль об неотложной переструктурировании экономики в направлении ее децентрализации, развития экологично безопасных, щадящих технологий и поддержки систем с более умеренным использованием капитала, энергии и материалов, с более широким использованием труда и человеческих ресурсов, ресурсосберегающих технологий.

Обнаруживается тенденция к "безубойной экономике", к целостному, экологическому существованию. Как отмечает М. Харрис "калорийная ценность того, что животное съедает всегда намного больше калорийной ценности его тела. Это означает, что большее количество калорий получается на единицу затрат когда растительная пища съедается прямо человеком, чем когда эта пища используется для кормления домашних животных" [Harris, 1977, p. 11–30].

Приходит понимание того, что экономика является живой системой, состоящей из человеческих существ и социальных институтов, находящихся в постоянном взаимодействии с окружающими экосистемами. При этом в экосистемах все движется циклично, в них линейно-причинные связи встречаются редко.

Начинают анализироваться такие категории, как экономический баланс и цикличность. констатируется, что "экономический рост сменяется спадом производства – кризисом и депрессией. Многолетние наблюдения свидетельствуют, что циклические колебания имеют

синхронный характер. Они происходят с устойчивой последовательностью и, как правило, в четко определенных временных границах. Это дает возможность рассматривать цикличность как общую закономерность экономического развития" [Гальчинский та ін., 1995, с. 370–382]. Начинает пониматься, что экономические циклы отражают повторяющийся процесс, они действуют в рамках не только производства, но и обмена, распределения, потребления в их органическом единстве. Понимается, что экономические циклы, особенно это заметно на циклах средней продолжительности, имеют синусоидальный характер, ибо характеризуются четырьмя фазами – фазой кризиса, депрессии, оживления и роста. Кризисы начинают рассматриваться как явления, которые имеют конструктивную функцию, которая в условиях экономического роста является интегральной частью творческого процесса, который ускоряет отмирание устаревших экономических систем и расчищает путь для нового витка развития [там же]. Экономика начинает пониматься как сущность, способная к саморегуляции, как гомеостатичное явление. Об этом в свое время писал К. Маркс, подчеркивая, что постоянная тенденция разных сфер производства к равновесия и устойчивости есть реакцией против постоянного нарушения этого равновесия.

Вышеприведенная эволюционная парадигма характерна для всех областей человеческого общества. Так, анализируя искусство как форму общественного сознания, следует отметить, что "искусство в глубинных истоках было синкретическим – как по способу отражения действительности, так и по восприятию", о чем пишут в своих работах Р. Вагнер, Э. Курт, С.М. Эйзенштейн, Ю.Б. Боров, В.В. Ванслов и др. [см. Галеев. 1987, с. 146–163]. Затем имеет место процесс дифференциации видов искусств, который сменяется фазами их синтеза (сценического, экранного и т.д.). Более того, 19–20 века есть время ожидания "тотального воссоединения искусств" [там же]. В современном авангардном искусстве "техника оказывается повернутой и использованной против самой себя, против течения исторического времени, против прогресса – как средство преодоления истории и возвращения к первоначальному" [Гройс, 1990].

Литература также эволюционировала от симметрического к асимметрическому состоянию. Для симметрии характерен период целостного мифологического отражения действительности (принцип "все во всем"), который порождает эпическую литературу. Д. Лукач философско-мировоззренческую, историко-социальную основу эпоса видит в том, что в период доминирования мифологического мирозерцания все понимали друг друга, доверяли друг другу, даже когда смертельно враждовали друг с другом [Лукач]. Налицо противоположное эмпатическое отражение действительности, не отделяющее Я от не-Я, внутреннего от внешнего, что предполагает тотальное доверие к миру, в котором поведение людей и богов предсказуемо и в котором нет места прихоти, нет места для проявления "свободной воли", проистекающей из аналитико-рационального индивидуально-личностного ролевого левополушарного мышления, ибо

в рамках мифического мировосприятия мир и его понимание слиты, насыщенность жизни здесь отождествляется с самим мировым порядком, природа и культура интегрируются в одно целое, формируя единое симметрическое бытие. Такое восприятие природы и культуры в их единстве характерно и для детского мышления, это типичный правополушарный способ отражения и освоения действительности.

Далее имеет место процесс расщепления симметрии и литературы эпоса разделяется на два направления – лирическое (эмпатическое, эмоционально-чувственное, правополушарное) и драматическое (рефлексивное, логико-аналитическое, левополушарное). В драме характеры раскрываются, как правило, через прямую речь (диалог и монолог), что подтверждает идею о бинарной, диалоговой, левополушарной сущности драмы. Способность к диалогу характерна именно для асимметрического общения как результата взаимодействия двух факторов – Я и не-Я. Для додиалогического общения характерна эгоцентрическая (антидиалогическая) речь ребенка, о чем пишет Ж. Пиаже [Пиаже]. Детская мысль, как показал этот автор, не отделяет субъекта от объекта и поэтому является "реалистической", она развивается по направлению к объективности, к состоянию дифференциации субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, что предполагает развитие условий для реализации драматического искусства. Затем, по мере развития литературы, ее асимметрическая тенденция начинает обращаться вспять, возобновляются процессы слияния человека со своим глубинным симметрическим космосом, но на более высоком уровне развития, когда развившаяся духовно-аналитическая (левополушарная) сторона человеческой психики начинает вплотную соприкасаться с ее телесно-природной, душевной (правополушарной) стороной, а вычленившийся духовный (абстрактный) трансцендентальный (сверхчувственный, по П.А. Сорокину) мир восстанавливает единство с естественно-симметрическим, имманентным бытием, концептуализированным в рамках новейших философских систем (экзистенциализма, феноменологии и др.). Появляется литература "потока сознания", базирующаяся на философии экзистенциализма, на позициях сюрреализма и т.д., которая развивается вслед за веяниями "новой симметрии", стремясь к тотальному, сверхценному, подлинному бытию. Интересно, что одним из первых писателей, подпавших под обаяние "новой симметрии", был Ф.М. Достоевский, который характеризуется, как пишет М.М. Бахтин в книге *"Проблемы поэтики Достоевского"*, "упорным стремлением видеть все как сосуществующее, воспринимать и показывать все рядом и одновременно... в мышлении Достоевского нет генетических и казуальных категорий". Нужно отметить, что постижение мира в терминах "здесь и теперь" характерно именно для симметрического миропонимания, свойственного правополушарному мышлению [Бахтин]. И если правое полушарие функционирует в настоящем времени с опорой на прошедшее, а левое – с опорой на будущее [Брагина, Доброхотова, 1988, с. 140], то можно сказать, что развитие человека как в онто-, так и филогенезе идет от прошлого к

будущему, от него – к синтезу прошедшего и будущего, когда пространственно-временная дихотомия бытия нивелируется, а человек освобождается от проклятия Кроноса, о котором М. Гайо писал, что "идея времени есть начало сожаления", а Ф. Перлз отмечал, "тревога – это пропасть между тогда и сейчас" [Перлз, 1994]. Получается, что здесь человек возвращается к целостному правополушарному мировосприятию, но на более высоком витке развития, где синтезируются его правый и левый психические аспекты и наблюдается выход к абсолютно-парадоксальному подлинному существованию, в рамках которого все онтологические и гносеологические дихотомии, проистекающие из полушарной асимметрии, нивелируются, а мир предстает столь же единым, сколь и множественным, столь же простым, сколь и сложным, как материальным, так и идеальным, как воспринимаемым чувствами, так и умопостигаемым... При этом два противоположных павловских типа – художественный и мыслительный – соединяются в одном лице, а человек постигает истину как "единство противоположностей", превращаясь в самоактуализованное существо (по А. Маслоу [Маслоу]) демиургического масштаба, ибо, воплощая баланс противоположностей, несет в себе величайшее напряжение, а поэтому, как писал П. Вайнцвайг, – колоссальную мощь [Вайнцвайг, с. 35].

Развитие искусства в целом подчиняется вышеприведенному принципу взаимодействия и взаимного перехода Хаоса и Космоса. А. В. Волошин в своей работе приводит интересный анализ истории европейского искусства: «Рожденный из глубин древнегреческой архаики сдержанный и благородный порядок искусства классической Греции сменяется вычурным беспорядком искусства эпохи эллинизма. Взятый за образец республиканским Римом порядок классического древнегреческого канона вновь распадается в безудержном хаосе эпохи Римской империи. Затем простота геометрического порядка романских храмов утопает в каменном кружеве готики, здоровая гармония искусства эпохи Возрождения сменяется болезненными извивами постренессанского барокко и рококо, ритмический строй классицизма разрушается вихрем романтизма. И уже на нашем веку природный космос критического реализма сменяется искусственным хаосом импрессионизма и модернизма... За внешней пестротой смены различных стилей в европейской истории искусств легко усматривается строгая закономерность взаимных переходов гармонических и дисгармонических стилей, „левополушарных“ и „правополушарных“ тенденций, аполлонического и дианисического начал или в общем виде Космоса и Хаоса» [Волошин, 2002].

Схема развития литературы подобна схеме развития истории как науки (историографии). Изначально история писалась в русле мифо-эпического отражения действительности, когда сакрально-божественная и земная реальности пересекались (когда в мире существовали боги: см., например, Бхагавад-гиту (историческое повествование, действующим лицом которого выступает Кришна) или Библию (где Бог мог “ходить по раю”). Потом рождается исторический

материализм. Как пишет С. Г. Кара-Мурза, истмат зародился в культуре, имеющей истоком механистическую картину мира Ньютона. Именно потому все его метафоры и аллегории механистичны, как движение поршня в паровой машине. Эта картина мира покоится на "физике бытия". Иная картина мира стала складываться в XX веке, в ней были учтены те "аномалии", которые исключались из механистической картины – необратимости, нелинейности, флуктуации и цепные процессы, самоорганизация. Это уже – "физика становления"; главный ее интерес направлен на процессы перехода, изменения, катастрофы [Кара-Мурза, 2000, с. 38].

Структура научного познания также отвечает универсальной схеме развития (единство – дифференциация – синтез). Она разрабатывалась Гегелем, В.С. Соловьевым, Т. Куном, И. Лакатосом и др. Т. Кун в книге *"Структура научных революций"* разработал концепцию исторической динамики научного знания, заключающуюся в смене научных парадигм. Куновская концепция предполагает по крайней мере три периода: период "нормальной" науки, период "научной революции", период новой "нормальной" науки. При этом сам процесс научного исследования фиксирует как минимум три когнитивных состояния: правополушарное, левополушарное и их синтез. То есть "научное исследование с необходимостью включает в себя три ступени, из которых две первые – чувственно-конкретная и абстрактно-логическая – противоположны одна по отношению к другой, а в третьей – духовно-конкретной – эта противоположность снимается..." [Обухов, 1983, с. 57].

Проследим на эволюцией логики как науки. Здесь мы наблюдаем движение от эмпирической (наглядно-образной, наглядно-действенной дологической правополушарной) логики древних, основывающейся на принципе "все во всем" к классической "дискретной" логике. Следует отметить, что именно на этапе древней логики оттачивались аксиомы классической логики. Как писал Ленин, "практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом" [Ленин, т. 38, с. 181-182]. Как видим, аксиома есть "повторяющаяся", синхроническая, циклическая сущность, дающая начало логическому (аналитико-диахроническому, дискурсивному) линейному движению мысли. В свою очередь двузначная классическая логика сменяется трехзначной (многозначной) синтетической логикой, что дает основание и для трехзначной философии и культуры. В синтетической логике больше не действует закон исключенного третьего, как и в индийской логике, где между любыми двумя полярными категориями устанавливаются четыре равновероятных (равноправных) отношения, ни одному из которых здесь не отдается предпочтения. В рамках синтетической логики (в отличие от классической аристотелевской логики) между А и не-А наличествует третья возможность [Гегель, т. 2, с. 65–66, 233]. Данную трехзначную логику можно с полным основанием назвать диалектической, которая, по словам Б.Д. Кедрова, оперирует, в отличие от классической логики,

изменчивыми, развивающимися, "текучими" [Арсеньев и др., 1967; Смирнов, 1993], то есть континуально-симметрическими понятиями.

Процесс развития логики можно проследить на примере развития понятия. Как пишет Гегель, "Когда распадается на противоположности единое, то соединение противоположных начал существует только в понятии" [Гегель, 1976, т.1, с. 120]. Таким образом, понятие как логическая сущность есть результат расщепления единого на противоположности.

Развитие логики как науки связано с **развитием компьютерных подходов к анализу мыслительных процессов и языка** [см. Цехмистро, 1987, с. 16 с сл.]. Изначально мысль человека понималась как нечто, "навеянное" ему свыше. К. Хорни полагает, что на заре развития человеческой цивилизации люди пребывали в состоянии, сходном с сомнамбулизмом, то есть "грезили наяву". Большое значение в регуляции социальных отношений играл в то время фактор "коллективного бессознательного" (К. Юнг), приводивший к тому, что мифические боги выступали в качестве реального атрибута человеческого бытия, то есть воспринимались как реальные объекты. Мысль человека тогда зачастую понималась как эфирная, фантомная сущность, навеянная Гениями, Музами, исходящая из платоновской области идей и т.п.

Потом развитие методов математического анализа и технического моделирования некоторых принципов функционирования нейронов и механизмов мыслительной деятельности способствовало разработке информационного анализа указанных процессов (А. Ньюэлл, Г. Саймон, У. Рейтман, К. Штейнбух). Как результат имела место смена теоретической ориентации западной экспериментальной психологии, что оформилось в новое научное направление – когнитивную психологию (возникшую на стыке бихевиоризма, гештальтпсихологии, структурной лингвистики, теории информации и кибернетики). Человек начинает рассматриваться как активный преобразователь информации [Линдсей, Норман, 1974, с. 9]. Мышление рассматривается как тождественное информационному процессу. Развивается представление о том, что основным механизмом творческой деятельности является процесс перебора вариантов, поэтому при моделировании мыслительных процессов большое внимание уделяется механизмам оптимизации перебора и поиска. Полагали, что данный метод позволит свести сложнейший процесс логического вывода к последовательности простейших операций, каждая из которых может быть легко запрограммирована [Слейг, 1973]. Разрабатывается теория фреймов (М. Минский, П. Пейперт, Р. Шенк, Р. Абельсон) – структуры данных, предназначенных для действия в определенной ситуации, то есть особые "ситуационные рамки" для обобщения описания ситуаций (А. Ньюэлл, Г. Саймон, Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам). Другим направлением, в рамках которого исследователи стремились преодолеть трудности, возникшие при попытках исчерпывающим образом объяснить особенности процессов мышления на основе использования идей и методов кибернетики, является стремление разработать более

совершенные логико-математической модели нейронной сети головного мозга. При этом учитывались внутренняя активность нейронной сети и параллельный характер переработки информации в ней (М. Арбиба, Я. Сантаготаи, П. Линсей, Д. Норман). Одной из особенностей направления моделирования нейронной сети является представление об деенаправленном восприятии (включенном в действие), когда человеческого восприятие обуславливается не только тем, “что” воспринимается, но и “в какой связи”, “где”, “в каком контексте”.

В конечном итоге сложность задачи по моделированию неоднозначных операций мозга привела к разработке нового направления, позволяющего более адекватно описать мыслительные процессы. Речь идет об идее “размытости”, “нечеткости”, “расплывчатости”, “многозначности” исходных математических объектов. Л. А. Заде предпринял попытку создать теорию “размытых” (fuzzy) множеств, которая была бы пригодна для описания гуманистических систем [Заде, 1974]. Основополагающим в его разработках служит идея о том, что “элементами мышления человека являются не числа, а элементы некоторых нечетких множеств или классов объектов, для которых переход от “принадлежности к классу” к “непринадлежности” не скачкообразен, а непрерывен”. Трактовка “расплывчатых” множеств соответствует аналогичная логическая трактовка, когда можно говорить о расплывчатом (нечетком) свойстве или понятии. Данный подход близок разработкам В. В. Налимова теории “семантического пространства Вселенной” и модели языка и Т. Бейеса. Эта модель содержала в явной форме вероятностную структуру смыслового содержания знака. Это позволило формализовать процесс принятия решения, моделируя такую процедуру, где наряду с априорной информацией используется и информация, полученная из опыта. В. В. Налимов пишет, что при анализе языка можно говорить об априорной функции распределения смысловых значений знака: в естественных языках с каждым знаком связано множество смысловых значений. Слова в словарях определяются через другие слова, однако это вовсе не означает, что смысл каждого слова состоит из смысла тех слов, через которые его объясняют (парадокс логики определения, в которой определение вещи есть процедура соотнесения ее с другими вещами). Фразы состоят из слов, **вероятностно** взаимодействующих друг с другом, а структура фразы порождает новый смысл, вне ее не обнаруживающийся в каждом из составляющих ее словесных элементов, хотя и этот смысл в них все же был заключен [Налимов, 1979, с. 111].

В данном описании В. В. Налимовым функции распределения смыслового значения заключается различие с концепцией логического атомизма Г. Фреге, Б. Рассела, раннего Л. Витгенштейна. В. В. Налимов полагает, что смысла как *целостное, синергетическое образование* не может быть приписан знаку до прочтения текста, хотя мы и имеем априорное представление о смысловом поле знака. Здесь классическая логика преобразуется в “непрерывную”, “континуальную”, “парадоксальную”, “многозначную” логику.

Физическая наука также эволюционировала от синтетической эмпирической науки древних к классической ньютоновской аналитической физики, оперирующей дискретными, атомарными сущностями. Затем данная классическая физика сменяется релятивистской и квантовой физиками, оперирующими целостными, континуальными сущностями, в рамках которых восстанавливает свой гносеологический статус принцип "все во всем", характерный для науки древних [Омельяновский 1973; Марков, 1976].

Геометрия, одна из областей математики, проходит три этапа своей эволюции: мифологический (эксплуатирующий принцип "все во всем"), классический евклидовский и космологический, реализуемый в геометриях Н.И. Лобачевского, Г. Римана и др. В области математики можно констатировать переход от синтетической (наглядно-образной) математики древних (получающей свою проекцию в "народной математике" [Выготский, Лурия, 1993; Дорошкевич. 1929]) к классической математике, оперирующей абстрактными дискретными величинами, сменяемой "нечеткой" (высшей) математикой. С позиции классической математики все выводы высшей математики, использующей операции с континуальными ("нечеткими", трансфинитными) величинами [Заде, 1974], оказываются, строго говоря, неверными [Маркс, Энгельс, т. 20, с. 138].

Итак, мы имеем три этапа развития науки как формы общественного сознания: синтетический, извлекающий многозначный смысловой контекст, аналитический, извлекающий однозначный смысловой контекст, и снова синтетический (парадоксальный), на котором интегрируются достижения первых двух. Характерно, что правое полушарие формирует многозначный, а левое – однозначный смысловой контексты в процессе взаимодействия человека с миром. Здесь научное познание выступает целостным процессом, что подтверждается выводами Р. Коллингвуда, который в своей "Автобиографии" указывал, что наука, по существу, не является совокупностью истин, устанавливаемых одна после другой; она – единый организм, в каждой части которого в ходе развития происходят непрерывные изменения, при этом получение новых результатов в одной ее области влияет на другие и заставляет переосмысливать связанные с ними факты. Также, как подчеркивает В. В. Кизима [Кизима. 1996], понимание, обоснование, объяснение существуют как целостности, тотальности в виде герметического круга, в котором постоянно снимаются противоречия между частью и целым, когда, на основе так называемого предположения уточняются части, на этой базе глубже познается целое, на новой основе происходит возврат к частям и т.д. Задача состоит в том, как пишет Х.-Г. Гадамер, чтобы "концентрическими кругами расширять единство понятного смысла" [Гадамер, 1988, с. 345].

В области морали как формы общественного сознания мы наблюдаем движение от синтетической мифологической морали древних (проистекающей из состояния определенной слитности человека и природы) к асимметрической морали (обеспечивающей

социально-классовую дифференциацию), которая, думается, сменяется ноосферной (общепланетарной, соборной, космической) моралью [Лосский, 1991, с. 48–55, 231–232; Радьярд, 1995; Гулыга, 1989; Ravn, 1988]. Данная схема эволюции моральных норм в общем согласуется со стадильной схемой развития моральных представлений по А. Колбергу, который выделяет три этапа морального развития индивида: 1) доморальный уровень, на котором нравственность поступков определяется внешними событиями; 2) уровень конформной, конвенциональной морали, на котором поддержание хороших социальных отношений и благоприятного образа "я-для-других" является самоцелью; 3) уровень автономных моральных принципов [Kohlberg, 1980; Кле, 1991, с. 100].

Круговорот моральных форм мы фиксируем и в процессе анализа эволюции религиозного сознания: первоначально человек и окружающий его мир составляли одно, поэтому культовые ритуалы не отличались от реальных действий человека, то есть Вселенная сакрализировалась, естественное и сверхъестественное не дифференцировались. В дальнейшем наблюдается десакрализация мира, процесс, который А. Камю определяет как отпадение от "священного" и погружение в "десакрализованную" историю. В конечном итоге, на вершине развития религиозного сознания, христианский подвижник, как пишет О. Клеман, весь космос воспринимает как храм Бога, в котором он молится "у алтаря своего сердца" [Клеман, 1994, с. 225].

Мы привели лишь некоторые примеры взаимного обращения симметрии и асимметрии, подводящие нас к выводу, что о общее "поле" познания мира должны вклучаться не только биологические и духовные факты, но и факты физико-космологического, социоприродного свойства, а живое и неживое, личностное и социальное, физическое и психическое, материальное и идеальное оказываются методологически изоморфными [Юнг, 1988], что дополняет аргументы в пользу философского принципа единства мира и очерчивает концепцию универсальной парадигмы развития.

Универсальная парадигма развития, фиксирующая единство правополушарного и левополушарного аспектов познания, обнаруживая их синтез в виде интуитивного познания, предполагает актуализацию новой когнитивной парадигмы, некоторые из принципов которой можно выразить в следующих положениях [Донченко, 1994, с. 29]: отказ от абсолютизации эмпирических методов, признание научным не только верифицированного знания, легализация интуиции и здравого смысла исследователя, возможность обобщений на основе интерпретации и изучения частных случаев и фактов, нацеленность на общий синтез знаний, важность нравственной позиции исследователя, единство научного и мифологического миропонимания, когда с одной стороны обнаруживается необходимость в разработке теоретической интерпретации мифологических представлений, а с другой – низведение научных представлений до уровня мифов. Если интерпретация мифов – вещь достаточно разработанная в современной

науке [Ахундов. 1982; Пропп, 1969; Лотман, 1987; Гранин, Соболева, 1995], то мифологизация науки – процедура, "попахивающая" лженаукой. Однако наука широко использует мифы – научные парадигмы, а свойство мифологического, метафорического отражения действительности – едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции [Ортега-и-Гассет, 1990]. Мифо-метафорический тип постижения мира позволяет сводить воедино научные представления, задавать аналогии и ассоциации между разными системами понятий, формировать общее познавательное "поле" науки, выступая в качестве "эпистемологического доступа" к любому понятию [Boyd, 1979; см. также Malinowski, 1926; Wundt, 1905; Neilbronner, 1980; Popper, 1979; Wiener, 1978; Федосеев, 1981].

Итак, познание мира включает в себя соединение научного и мифологического мышления, что обнаруживает Истину, в которой интегрируются противоположности и формируется дипласия – присущий только человеческому сознанию психологический феномен "отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга", функционирующий в качестве "продуктивного психологического механизма ориентации человека в окружающем мире" [Брагина, Доброхотова, 1988, с. 10].

Литература:

- Анохин П. К. Избранные труды. – М.: Наука, 1978.
Анчел Е. Мифы потрясенного сознания. – М.: Политиздат, 1979.
Анчел Е. Этнос и история. – М.: Мысль, 1988.
Арапов М. Большой лингвистический взрыв? // Знание – сила. – 1988. – № 6. – С. 27–32.
Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. – М.: Наука, 1967.
Аскин Я. Ф. Философский детерминизм. – Саратов, 1974.
Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М.: Наука, 1982.
Ахундов М. Д. Проблема прерывности и непрерывности пространства и времени. – М.: Наука, 1974.
Ахундов М. Д., Баженов А. Б., Чудинов Э. М. Концепции пространства, времени, бесконечности и современная космология // Философские проблемы астрономии XX века. – М.: Наука, 1976. – С. 353–354.
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979.
Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: Има-Пресс, 1990.
Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 232, 241.
Блаватская Е. П. Избранные статьи, ч. 1. – М.: Новый Акрополь, 1994.
Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. – М.: Медицина, 1988.
Бунак В. В. О морфологических особенностях одно- и двуйцевых близнецов // Русский евгенический журнал, № 4, 1926. – С. 21–51.
Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии // Труды этнографии АН СССР (новая серия), 19, 1961.
Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990.
Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.
Витгейнштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: ИЛ, 1958.

- Волошин А. В. Об эстетике факталов и фрактальности искусства // Синергетическая парадигма, лишнее мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 213–246.
- Выготский Л. С., Лурья А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Гадамар Х.-Г. Истина и метод. Основы философии герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
- Галеев Б. Человек, искусство, техника: проблемы синестезии в искусстве и технике. – Казань: Изд. КГУ, 1987.
- Гальчинський А. С., Єщенко П. С., Палкін Ю. І. Основи економічної теорії. – К.: Вища школа, 1995.
- Гегель Г. Сочинения. – М.: Изд. АН СССР, 1932–1958.
- Гегель Г. Философия религии в 2-х т. – М.: Мысль, 1976–1977.
- Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 171–189.
- Готт В. С. Философские проблемы современной физики. – М.: Высш. шк., 1972.
- Гранин Г. Г., Соболева О. В. Понимание текста: проблемы земные и космические // Вопросы психологии. – 1995. – № 5. – С. 81–91.
- Грейсон Д. младший, О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. – М.: Экономика, 1991.
- Гройс Б. Русский авангард по обе стороны “черного квадрата” // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 68–70.
- Гроф С. За пределами мозга. – М.: Соцветие, 1992.
- Гулыга А. В. Космическая ответственность духа // Наука и религия. – 1989. – № 8. – С. 32–34.
- Гурьев Д. В. Становление общественного производства. – М.: Политиздат, 1973.
- Девис П. Случайная вселенная. – М.: Мир, 1985.
- Дилигенский Г. Г. “Конец истории” или смена цивилизаций // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 29–42.
- Донченко Е. А. Социетальная психика. – К.: Наукова думка, 1994.
- Дорошкевич А. Народная математика // Е.В. – 1929. – № 8. – С. 152–167.
- Дубров А. П., Пушкин В. Н. Парапсихология и современное естествознание. – М.: Совамино, 1990.
- Еременко А. М. Событие бытия, событие сознания, событие текста // Человек. – 1995. – № 3. – С. 36–51.
- Жог В. И. Единство симметрии и асимметрии в научном познании // Философские науки. – 1984. – № 4. – С. 39–48.
- Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Искусство, 1975.
- Заде П. А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решения // Математика сегодня. – М.: Знание, 1974.
- Зельдович Я. Б. Избранные труды: Частицы, ядра, Вселенная. – М.: Наука, 1985.
- Зиновьев А. А. Куммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрполиграф, 1994.
- Зубаков В. А. О соотношении этапности и ритмичности и некоторых общих вопросах учения о ритмах // Ритмичность природных явлений. – Л., 1973.
- Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного исследования. – Новосибирск: Наука, 1991.
- Кант И. Собрание сочинений в 6-ти томах. – М.: Мысль, 1963–1966.
- Капра Ф. Дао физики. – СПб.: Орис, 1994.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – К.: Оріяни, 2000.

- Кармин А. С. Познание бесконечного. – М.: Мысль, 1981. – С. 13, 162–214. (229 с.)
- Карташев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-Академия, 1995.
- Кассиль Г. Н. Внутренняя среда организма. – М.: Наука, 1978.
- Кизель В. А. Физические причины диссимметрии живых систем. – М.: Наука, 1985.
- Кизима В. В. Тоталогические иллюзии // Totallogy. Постнеклассичні дослідження. – К.: ЦГО НАН України, 1996. – С. 20–131.
- Кизима В. В. Человекомирная тотальность. Постнеклассический манифест. – К.: ЦГО НАН Украины, 1992.
- Кизима В. Наемный труд и самоуправление // Вибір. – 1996. – № 1–2. – С. 58–71.
- Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. – М.: Путь, 1994.
- Козловский Ю. Б. Современная буржуазная философия в Японии. – М.: Наука, 1977.
- Козырев Н. А. Избранные труды. – Л.: Изд. АГУ, 1994.
- Костюк Н. Т. О сущности жизни. – К.: Изд. КГУ, 1967.
- Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. – М.: Мысль, 1983.
- Крымский С. Б. Культурные архетипы, или “знание до познания” // Природа, № 11, 1991. – С. 70–75.
- Крымский С. Б., Кузнецов В. И. Мирозренческие категории в современном естествознании. – К.: Наукова думка, 1983.
- Крымский С. Б., Парахонский Б. А., Мейзерский В. М. Эпистемология культуры. – К., 1993.
- Кузьмин М. В. Экстатическое время // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 67–79.
- Курдюмов С. П. Увидеть общий корень // Знание-сила, № 11, 1988.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений.
- Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. – М., 1912..
- Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. – М.: Мир, 1974.
- Лолаев Т. П. О “механизме” течения времени // Вопросы философии. – 1996. – № 1. – С. 51–56.
- Лосский Н. О. Мир как органическое целое. – М., Пг., 1917.
- Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991.
- Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры // Труды по знаковым системам.– Тарту.: Изд. ТГУ, 1977, вып. 8. – С. 138–150.
- Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры: язык культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.
- Лукач Д. Своеобразие стетического в 4-х т. – М.: Прогресс, 1986.
- Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М.: Изд. МГУ, 1974.
- Марков М. А. О природе материи. – М.: Наука, 1976.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
- Марютина Е. М. Психологические факторы как детерминанты генотип-средовых отношений // Психологический журнал, т. 15, № 2, 1994. – С. 74–84.
- Маслоу А. Психология бытия. Пер. с англ. – М.: Рефл-бук, Ю 1997.
- Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1991.
- Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. – № 3. – С. 3–28.

- Морозов А. А. Поможет ли физика понять, как возникла жизнь // Природа. – 1984. – № 12. – С. 38–48.
- Мюллер Ф., Геккель Э. Основной биогенетический закон. – М.: Изд. АН СССР, 1940.
- Наан Г. И. Симметрическая вселенная (доклад на Астрономическом совете АН СССР 29 января 1964 г.)// Тартуская астрономическая обсерватория. Публикации. – Тарту, 1966. – Т. 56, с. 431–433.
- Налимов В. В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979.
- Налимов В. В. Вероятностные модели языка (О соотношении искусственных и естественных языков). – М.: Наука, 1974.
- Ниус С. Близ есть, при дверех. – СПб.: ОЮ-92, 1998.
- Новиков И. Д. Как взорвалась Вселенная. – М.: Наука, 1988.
- Обухов В. А. Сущность триадической формы закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. – М.: Политиздат, 1983. – С. 44–58.
- Омельяновский М. Э. О физической реальности // Вопросы философии. – 1971. – № 10. – С. 105.
- Омельяновский М. Э. Диалектика в современной физике. – М., 1973.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Терия метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
- Павленко В. Н., Таглин С. А. Теория поэтапного формирования умственных действий и проблема этнопсихогенеза // Актуальные проблемы современной психологии. – Харьков, 1993. – С. 85–88.
- Павленко В. Н. Культурно-историческое развитие психических процессов и теория поэтапного формирования умственных действий // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 53–60.
- Пераз Ф. Гештальт-подход и свидетель терапии. Пер. с англ. – М.: Либрис, 1999.
- Пераз Ф. С. Гештальт-терапия дословно // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – № 3. – С. 143–164.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.
- Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и комплексность в физических науках. – М.: Наука, 1985.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд. ЛГУ, 1986. (365 с.)
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Аделюк Е. С. Миф или сказка? – М.: МИРОС, 1995. – С. 173–178.
- Психологический словарь. – М.: Педагогика, 1983.
- Психология развивающейся личности. Под ред. А. В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987.
- Пучинская Л. М. Демоны правого полушария // Человек. – 1996. – № 1.– С. 30–38.
- Радьярд Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. – М.: Ваклер, 1995.
- Розенберг Г. Тройка, семерка, туз // Знание-сила, № 1, 1987. – С. 18–23.
- Роль среды и наследственность в формировании индивидуальности человека /под ред. И. В. Равич-Щербо/. – М.: Педагогика, 1988.
- Ротенберг В. С., Бондаренко С. М. Мозг. Обучение. Здоровье. – М.: Просвещение, 1989. – С. 170. (239 с.)
- Рубинштейн С. А. Избр. философско-психологические труды. – М.: Наука, 1997.

- Русалов В. М. Пол и характер // Психологический журнал. – Т. 14, № 6, 1993. – С. 55–64.
- Сатпрем Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. Пер. с фр. А. А. Шевченко, В. Г. Баранова. – СПб., 1993.
- Секретан Ш. Цивилизация и вера. – М., 1900. – С. 347.
- Слейг Дж. Искусственный интеллект. Подход на основе эвристического программирования. – М.: Мир, 1973.
- Смирнов В. А. Многомерные логики // Логические исследования. Вып. 2. – М., 1993.
- Соколов В. В. Европейская философия XV–XVII веков. – М.: Высш. шк., 1984.
- Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992.
- Спенсер Г. Основные начала. – СПб., 1897.
- Спрингер С., Дейч Т. Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983.
- Субботин М. М. Теория и практика нелинейного письма // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 32–37.
- Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
- Тихомиров О. К. Психология мышления. – М.: Изд. МГУ, 1984.
- Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. – Тарту: Изд. ТГУ, 1973. – С. 122–123.
- Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 1. – М., 1980. – С. 427–429.
- Топоров В. Н. Из исследований в области анаграмм // Структура текста-81: Тезисы симпозиума. – М., 1981. – С. 109–121.
- Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце // Аделюк Е. С. Миф или сказка? – М.: МИРОС, 1995. – С. 186–193.
- Топоров В. Н. О статусе и природе заговора: (Теоретический аспект) // Этнолингвистика текста: Семантика малых форм фольклора. Ч. 1. Тезисы и предварительные замечания к симпозиуму. – М., 1988. – С. 22–24.
- Топоров В. Н. Первобытные представления о мире. Общий взгляд // Очерки естественнонаучных знаний о древности. – М.: Наука, 1982. – С. 8–40.
- Торчинов Е. А. О психологических аспектах учения Праджняпарамиты // Психологические аспекты буддизма. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 47–69.
- Упанишады. – М.: Наука, 1992.
- Урманцев Ю. А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 89–105.
- Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. – М.: Наука, 1981. – С. 4–48.
- Физический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1984.
- Фомин Ю. А. Познание тайны. – М., 1995.
- Фомин Ю. А. Реальность невероятного. – М.: Наука, 1990.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994.
- Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 159. (С. 143–221)
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 34–39.
- Херсонский Б. Г. Зигмунд Фрейд. Автобиография бессознательного // Фрейд З. Толкование сновидений. – Киев: Здоровья, 1991. – С. 23–24.
- Цапкин В. Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Моск. психотерап. журнал. – 1992. – № 2. – С. 5–39.
- Цапкин В. Н. Личность как группа – группа как личность // Моск. психотерапев. Журнал. – 1994. – № 4. – С. 11–28.

- Цапкин В. Н. Семиотический подход к проблеме бессознательного // Бессознательное. Т. 1. – Новочеркасск: САГУНА, 1994. – С. 81–90.
- Цехмистро И. З. Концепция целостности. Критика буржуазной методологии науки. – Харьков: Вища школа, 1987.
- Цехмистро И. З. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. – Харьков: Вища школа, 1981.
- Цехмистро И. З. Холистическая философия науки: Учебное пособие. – Сумы: Изд. "Университетская книга", 2002.
- Шляхин Г. Г. Аналитическое и синтетическое // Логика и онтология. – М.: Наука, 1978. – С. 174–207)
- Эйген М, Шустер П. Гиперцикл. Принципы организации макромолекул. – М.: Мир, 1982.
- Элиаде М. Аспекты мифа. Пер. с фр. – М.: Инвест-ППП, 1996.
- Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1987.
- Эльконин Д. Ю. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989.
- Югай Г. А. Философские проблемы теоретической биологии.– М.: Мысль, 1976.
- Юнг К. Г. Архетип и символ.– М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения. Размышления. – Киев, 1994.
- Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – К., 1996.
- Юнг К. Г. Избранное. – Минск: ООО "Поппури", 1998.
- Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Юнг К. Г. Психологические типы. – Минск: ООО "Поппури", 1998.
- Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.
- Янков М. Материя и информация. – М.: Прогресс, 1979. – С. 82, 178–192. (336 с.)
- Boyd R. Metaphor and theory change // Metaphor and thought. – Cambridge, 1979.
- Brown N. Duty as Truth in Rig-Veda. – Leiden: India Major, 1972.
- Dambrowski K. Positive Desintegration. – Boston, 1964.
- Derrida J. Afterward: Toward an Ethic of Discussion // Limited Inc. – Evanston, 1988. – P. 1368.
- Derrida J. De la Grammatologie. – P., 1967.
- Harris M. Cows, Pigs, Wars and Witches.– Glasgow: Collins, 1977.
- Heilbroner R. Marxism: for and against. – L.– N. Y., 1980. .
- Kohlberg L. Education for a just society // Munsey (ed.) Moral development, moral Education and Kohlberg. – Birmingham, 1980.
- Malinowski B. Magic, Science and Religion. – N.Y., 1955.
- Popper K. Creative self-criticism in science and in art // Australia Today. – Viena, # 3, 1979. – P. 15.
- Ravn I. An Ethic of Wholeness // Journal of Humanistic Psychology, vol. 28, # 3, 1988.
- Rogers C. A Way of Being. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1980.
- Wiener A. Magnificent myth. – Oxford, 1978.
- Wundt W. Mythos und Religion. – Leipzig, 1905.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Многие научные открытия делались на стыках наук или научных направлений. Какое же научное открытие может быть сделано на соединении двух противоположных стратегий познания мира – религиозной и научной?

Основной чертой каждой возникающей в науке новой идеи является то, что она связывает определенным образом два различных ряда явлений

М. Планк.

Истинное воспитание это не то, что накачивается нам в голову, вдалбливается в нее из внешних источников. Цель подлинного воспитания – вывести на поверхность нашего существа бесконечные источники внутренней мудрости.

Рабиндранат Тагор [Мартынов А.В., 1990, с. 159]

1. Основная характеристика нашего мира – это движение, являющееся важнейшим атрибутом и способом существования материи.

Поэтому главное содержание жизни и фундаментальный способ существования человека есть его движение, изменение во времени и пространстве. Наиболее полное и интенсивное выражение его наблюдается в детском и юношеском возрасте человеческого существа, где это развитие как социально - личностный феномен оформляется в виде процессов обучения, воспитания и образования. Основной «объем» общественной и индивидуальной жизни человека сконцентрирован в сфере образования. Школа, выполняя социальный заказ общества, является краеугольным социальным институтом: *«школа может создать в проекте такой тип общества, который нам хотелось бы осуществить. Влияя на умы в этом направлении, мы постепенно изменили бы и характер взрослого общества»* [Дьюи, 1921].

2. Современная эпоха занимает особое место в истории человечества.

Никогда раньше время развития человеческого общества не было так «сжато», так ускорено, как теперь. Беспрецедентный по масштабам, глубине и темпам процесс развития современно мира способствует созданию уникальной исторической ситуации, которую, по словам С. Цвейг, можно назвать *«звездным часом человечества»*, когда *«как на острие громоотвода скопляется все атмосферное электричество, кратчайший промежуток времени вмещает огромное множество событий»*.

3. В наше бурное время школа занята лихорадочными поисками своего «нового лица».

Ей приходится коренным образом пересматривать педагогические приоритеты, переоценивать дидактические ценности, искать принципиально новые методы обучения и воспитания, активно

экспериментировать. С другой стороны школа как социальный институт сейчас переживает наиболее сложную за свою историю ситуацию. Она еще цепляется за прежние ориентиры, но, увы: *«Все новое рождается в виде ереси, но уходит в виде предрассудка»*. На протяжении многих десятилетий, если не столетий, школа делала что-то не то. Как считает Ш.А. Амонашвили, *«личность ребенка стала понятием чуждым для педагогической теории и практики», когда «все было направлено на то, чтобы формировать у школьников знания, но даже сверхсовременные знания, как бы прочно ни были они усвоены, сами по себе не рожают личность, не формируют у школьников систему отношений и убеждений»* [Амонашвили, 1989].

Данную мысль можно подкрепить тезисом А.Н. Леонтьева о возможности обнищания души при обогащении информацией. И.С. Кон пишет, что *«во всех странах социологи и экономисты констатируют колоссальный разрыв между растущей стоимостью образования (удлинение сроков обучения, рост его массовости, удорожание его технических средств) и его недостаточной социальной эффективностью, а также между формальным, техническим обучением, в ходе которого человек обладает некоей суммой знаний, и формированием культурной, творческой и социальной личности»* [Кон, 1989].

4. С одной стороны человечество никогда еще не владело таким чудовищным потенциалом знаний, а с другой, – сама человеческая личность еще никогда не была столь отдаленной от понимания своей сущности, познание которой оказалось расщепленным в сфере многочисленных научных дисциплин.

Изучение человека, как и его обучение, сейчас реализуется в основном на рационально-технократическом уровне. *«Среди фундаментальных знаний, даваемых современному человеку в школе и вузе, не было и нет знаний практической психологии человека. Люди со школьной скамьи детально изучают пестики и тычинки, кости скелета и расположение мускулатуры, но не получают знаний о роли и значении для жизни человека воли и разума, не знают законов формирования группы, общности и тем более жизни человека»* [Альбуханова-Славская, 1991].

5. В настоящее время делаются попытки разработать концептуальную базу такой системы образования, которая бы соответствовала духу нашего времени, выражающемуся в стремлении человечества к глобальному религиозно-мировоззренческому и научно-философскому синтезу, который наша эпоха *«возжаждала более, чем всякая иная»* [Лосев, 1991]. Пришло время построить синтетическую систему образования, сопрягающую в себе психофизиологический, этико-мировоззренческий, социально-политический, культурно-исторический, социоприродный, космопланетарный контексты человеческого бытия.

В рамках этой системы должны интегрироваться обучение и воспитание, наука и мировоззрение. То есть синтетическая система образования должна выразить идею единства человека и мира, быть

ориентирована на определенный синтез знаний, ибо всякая стремление понять что-либо (в нашем случае, понять, как функционирует система образования, отвечающая запросам настоящего исторического момента) предполагает целостный охват изучаемого явления.

6. Каждая попытка разработать «новую концепцию образования» должна встречаться с пониманием и включаться в общий контекст педагогического поиска новых образовательных смыслов.

Толерантность к новым педагогическим идеям является сейчас весьма насущной. Предлагаемая нами «новая» концепция образования [Вознюк, Тичина, 1998; Брандес и др., 1997, 1998, 1999], возможно, позволяет расставить многие «точки над i», недвусмысленно заявить об истинных приоритетах образования, воспитания и обучения, а также совершенно конкретно очертить способы достижения «новых» образовательных целей.

7. Концептуально любая система образования строится на основе двух аспектов – цели образования и путей ее достижения.

Если целью образования принять воспитание гармоничной личности, то здесь необходимо поставить две проблемы: 1. определение гармонического состояния личности; 2. содействие этому состоянию.

8. Гармония с широкой философской и психологической точки зрения – это, прежде всего, целостность.

Это синтез всех психофизиологических составляющих человека, единство физического и психического. Это состояние, объединяющее мысли и действия их носителей, а также интегрирующее в себе все многочисленные дихотомии нашего существования, такие, как моральное и фактологическое, аффект и интеллект [Зинченко, 1989], чувства и мысли [Неменский, 1989], внутреннее и внешнее, индивидуально-личностное, социально-историческое. Гармонию можно понимать не только как цель процесса онто - и филогенетической эволюции, но и состояние (системы) человека. Система – это объект с таким набором элементов, функций и связей, которые актуализируются ради одной цели, полагающейся перед системой как целостным образованием [Ломов, 1984]. Гармония как принцип целостности (о чем мы еще будем говорить более подробно) является той категорией (понятием, состоянием), которое в наиболее обобщенном виде выражает не только цель, но условие, а также истоки любого существования.

9. Для выявления путей достижения гармонии важно обнаружить факторы, обладающие системоформирующим характером и механизмы, регулирующие все наши действия и поведение.

Есть все основания утверждать, что такой механизм актуализируется на базе функций полушарий головного мозга человека, о чем еще в 60 годы писал Б. Г. Ананьев и что сейчас трудно оспорить. Открытие Ричардом Сперри в 1968 г. (Нобелевская премия – 1981 г.) функциональной асимметрии мозга человека (ФАМ) стало событием, смысл которого только начал постигаться в системе образования.

10. Как свидетельствуют исследования, полушария мозга можно рассматривать как психофизиологический фокус человеческого организма.

С их функциями прямо или косвенно связаны такие стороны человеческого существа, как механизмы целеположения и поиска (выбора), способов достижения цели [Ананьев, 1963], энергетическая и информационная регуляция поведения [Симонов, 1987], эмпатия и рефлексия, экстраверсия и интроверсия, произвольная и непроизвольная сферы психической деятельности, первая и вторая сигнальные системы, сила и слабость нервных процессов, их лабильность и инертность, возбуждение и торможение, Я и не-Я, эрготропные и трофотропные функции организма, симпатическая и парасимпатическая ветви вегетативной нервной системы и т.д. [Голубева, 1980]. Любое непроизвольное автоматическое действие включается в правополушарную, а неавтоматическое, произвольное – в левополушарную сферы психической деятельности.

11. В целом правополушарная (ПП) стратегия восприятия, мышления и освоения мира является эмоционально-образным, конкретно-экспрессивным, целостно-синкретическим миропониманием, формирующим многозначный лингвистический и мотивационно-смысловой контексты отражения действительности, "пробуждая" к действительности такие формы общественного сознания, как искусство и религия.

Левополушарная (ЛП) стратегия, напротив, есть абстрактно-логическим, понятийно-концептуальным, дискретно-множественным мировосприятием, формирующим однозначный лингвистический и мотивационно-смысловой контексты отражения окружающего мира и "пробуждающим" к жизни науку и философию [Деглин, 1996].

12. В онто- и филогенезе живого существа наблюдается постепенное нарастание полушарной асимметрии, наибольшее выражение которой достигается в зрелом возрасте.

Потом полушарная асимметрия постепенно нивелируется. Обнаруживается состояние функционального синтеза полушарий, когда пожилой человек, обогащенный жизненным опытом, по сути, превращается в ребенка с его пластической психикой и непосредственностью восприятия мира. Можно сказать, что развитие человека идет от ПП аспекта психики (у младенца оба полушария функционируют как единое целое в основном по принципу ПП) к ЛП, а от него – к полушарному синтезу.

ПП функционирует в настоящем времени с обращенностью к прошлому, а ЛП – в настоящем времени с обращенностью к будущему [Брагина, Доброхотова, 1988, с. 140].

Можно утверждать, что развитие человека естественным образом идет от прошлого к будущему, а от него – к синтезу прошлого и будущего, когда пространственно-временная дихотомия бытия нивелируется и человек освобождается от извечно довлеющего над ним «проклятия Хроноса».

13. Данная эволюционная парадигма универсальна, ибо она выражает общий закон движения как формы бытия материи, которое реализуется через процесс смены дискретности и континуальности в развитии явлений.

Так, говоря о поведении, можно утверждать, что оно представляет собой диалектический процесс взаимного обращения дифференциации и интеграции [Русалов, 1990, с. 119–129], ведущих к некой ступени «метаинтеграции» [Русалов, 1991, с. 3–17]. Учитывая, что правое полушарие функционирует в «интегративном», а левое «дифференциальном» контексте психофизиологических процессов, то идея взаимного обращения дифференциации и интеграции получает определенную конкретизацию.

14. Существует, предположительно, три типа постижения бытия человеком: чувственный (ПП), рациональный (ЛП) и медитативный [Урманцев, 1993].

Как свидетельствуют энцефалографические исследования, медитативное состояние происходит из функционального синтеза, гармонии полушарий, когда их работа в психофизическом смысле согласуется [Murphy, Donovan, 1985]. Можно сделать вывод, что развитие человека проходит от чувственной формы к рациональной, а от нее – к медитативной форме постижения и освоения мира.

15. В контексте ФАМ становятся понятными цели образования и способы их достижения.

Прежде всего, понятно то, что состояние полушарной гармонии предполагает достаточный уровень развития обоих полушарий мозга. Пока еще школа в большей мере опирается на развитие аналитично-дискурсивного ЛП миропонимания, хотя и признается факт некоторой недооценки значения эмоционально-образных механизмов в процессе обучения [Степашин, 1997].

Эксперименты убеждают, что активизация правополушарных функций обеспечивает соответствующий значительный стимул для развития ЛП составляющей психической деятельности [Russel, 1979].

Вот почему важным является признание такой новой парадигмы образования, которая обеспечила бы структурное и процессуальное единство чувственно-эмпирической и абстрактно-теоретической сфер, тенденций развития личности. При таком развитии особенное внимание следует уделять актуализации именно ПП аспекта человека.

Принцип непрерывности психической деятельности предполагает единство полушарных стратегий обработки информации как в плане синхронического, так и диахронического анализа эволюции человека. Поэтому ПП "базовый" аспект психики у ребенка (развитие наглядно-образного мышления, способности к эмпирическим обобщениям) имеет краеугольное значение в жизни взрослого человека и не является временным этапом, «который необходимо пройти как можно быстрее, чтобы заменить его логичным, вербальным мышлением» [Тихомиров, 1984]. Этот тип мышления вырастает из многозначного метафорического правополушарного освоения действительности.

16. Новая парадигма образования, базирующаяся на концепции функциональной асимметрии полушарий, утверждает, что целью развития человека есть достижение синтеза III - и IV аспектов психики.

При этом такие полярные категории, которые вытекают из функциональной природы полушарий, как образ и идея, предмет и знак, чувство и мысль, единое и множественное сливаются, формируя основу для интуитивно-медитативного, эвристического, понимающего отражения действительности, в процессе чего конкретное и абстрактное, экспрессивное и логическое, сливаются воедино, порождая феномен подлинного, истинного бытия, а человек предстает как гармоническое, духовное существо.

17. Таким образом, гармонический человек как цель обучения и воспитания, есть явление, в сфере которого интегрируются все многочисленные дихотомии бытия, соотносящиеся с психосоматической природой полушарий мозга, такие, как сакральное и профаническое, вера и скепсис, эмпатия и рефлексия, Я и не-Я, мужское и женское....

Гармоническая личность интегрирует несовместимые бытийные состояния, открывая в себе, как пишет П. Вайнцвайг, демиургическое существо, ибо она объединяет противоположности, достигая психосоматического баланса и характеризуется огромным напряжением, а отсюда – колоссальным могуществом [Вайнцвайг, 1990, с. 35].

18. Полушарный синтез как единство чувственно-аффективного и абстрактно-теоретического предполагает достижение состояния понимания как результата взаимного погашение двух противоречащих друг другу сторон человека, их взаимного согласования, гармонизации.

Данное состояние является целью многих психотерапевтических методик (см. Практический семинар «Кто Я». «Форма №23).

19. Вся история человечества свидетельствует: сокровенное стремление человека вернуть «утраченный рай», «золотой век» - есть не что иное, как стремление достичь единства полярных сторон нашей жизнедеятельности – духовного и телесного, материального и идеального, психического и физического...

П.А. Флоренский писал о соединении мистика и аналитика в одном лице, предупреждая об опасности, таящейся в движении только лишь по мистическому или аналитическому (рациональному) жизненному пути. Йога учит, что каждая мысль человека должна быть прочувствована, а каждое чувство должно быть осозанным.

Единство противоречивых аспектов человека предполагает достижение состояния психофизиологической гармонии, упорядочивающей внутренний мир человека. Бл. Августин учил, что страдания человека проистекают из неупорядоченного разума. Таким образом, достижение понимания как ощущение гармонии мира, являющегося, по словам Лейбница, лучшим из всех возможных миров,

предполагает формирование такого начала внутри каждого из нас, которое бы упорядочивало хаос.

20. Одно из фундаментальных особенностей жизни – это парадоксальное свойство «вырабатывать» антиэнтропию, – противодействовать нарастающему хаосу внешней среды.

Это способностью прийти к целостно-интегральному, высокоорганизованному осмыслению, осознанию и пониманию мира как универсума, в котором все связано со всем и нет вещей абсолютно изолированных.

Р. Музиль в романе "Человек без свойств" пишет о том, как прогуливающаяся среди уличной суеты супружеская пара наблюдает трагическое транспортное происшествие, которое производит на женщину чрезвычайно удручающее впечатление. И только после того, как ее муж говорит, что у грузовиков слишком длинный тормозной путь, женщина успокаивается, хотя она и не понимает значение выражения «тормозной путь». Вот иллюстрация того, как вызвавшая стресс неопределенно-хаотическая ситуация вводится в рамки другой ситуации, позволяющей осмыслить, проанализировать, упорядочить сильное эмоциональное впечатление, привести эмоциональную неопределенность в плоскость рационального анализа, который, несмотря на свою примитивность и поверхностность, вызывает психологическое облегчение.

21. В условиях стресса между полушариями мозга возникает функциональный дисбаланс [Вайнцвайг, 1990, с. 49], что приводит к доминированию одного из полушарий.

Когда доминирует правое эмоционально-аффективное полушарие, налицо состояние аффекта, а когда левое – человек превращается в свехрациональное существо, отличающееся эмоциональной холодностью и расчетливой хладнокровностью. Интересно, что функциональное согласование полушарий на уровне соматики реализуется в сфере функционирования щитовидной железы, когда «щитовидка» и полушария оказываются выполняющими единую задачу: *«любая деятельность, которая усиливает и стимулирует функционирование «щитовидки», тотчас включает и балансирует работу обоих полушарий»* [Вайнцвайг, 1990, С. 49–50; см. также Diamond, 1979].

22. Наша концепция образования открывает пути достижения функционального согласования полушарий мозга и реализуется на научно-практичном уровне.

На интуитивном уровне это делалось и делается педагогами – новаторами и пока еще не осознается как теоретическая реальность.

Так, известная педагогическая методика В. Ф.Шаталова использует принципы полушарного синтеза, когда в рамках учебного процесса приводятся к гармонии две стороны человеческой психики – конкретная и абстрактная. С одной стороны ученики получают тот или иной набор конкретных фактов. С другой – все эти факты переводятся на язык опорных сигналов, являющихся абстрактными категориями.

Школьники при этом учатся целеустремленно и регулярно манипулировать одновременно двумя противоположными друг по отношению к другу рядами реалий нашей жизни, осуществляя их взаимную трансформацию, когда конкретное понимается через абстрактное, а абстрактное – через конкретное.

Достаточно длительная практика приведения к функциональному единству АП и ПП сторон психической активности способствует выработке установки на "интегральную" психическую активность, обнаруживающую стремление к творчеству и как результат – неизмеримо форсирующую учебную деятельность.

Интересно, что методика В. Ф. Шаталова активизирует не только чисто абстрактно-логический (АП), но эмоционально-образный, потребностно-мотивационный (ПП) аспекты психики, когда при развитом абстрактно-аналитическом компоненте психической деятельности у детей активизируется и мотивационный компонент такой деятельности (учеба, подобно игре, становится самоцелью, превращается в самоценный, самодостаточный феномен).

Удивительным есть то, что все дети при этом начинают рисовать [Шаталов, 1989, с. 122]. Актуализация одновременно правого и левого "аспектов" человека недвусмысленно свидетельствует о высокоразвитой интегрально-творческой форме психической активности, предполагающей единство логического и экспрессивного начал личности, которые в обычном состоянии представлены как конкурирующие и тормозящие друг друга.

23. Полушарный синтез предполагает с одной стороны наполнение абстрактным содержанием наших чувств, их рационализацию и контроль чувств, а с другой – предполагает синергетическое перепрофилирование абстрактно-логического мышления человека, которое в данном случае перестает функционировать в режиме сугубо однозначного отражения окружающего мира.

Человеческое существо при этом превращается в открытую гармоническую систему, способную усваивать огромные массивы информации, воспринимать мир не критически, с полным доверием.

Синергия абстрактно-теоретических схем приводит к абсолютному теоретическому согласованию наших знаний о мире, который при этом перестает восприниматься как нечто неопределенное. Характерными особенностями такого гармонического существа становятся толерантность и фундаментальный оптимизм, обусловленные открытостью к миру и спонтанностью поведения, вытекающего из медитативного, творческого состояния, в котором гармоничный человек пребывает практически постоянно.

24. В педагогическом плане медитативному состоянию (как способности к целостному охвату действительности и к огромной концентрации внимания, как возможности разрушения грани, отделяющей человека и мир, Я и не-Я) соответствуют многие принципы, изложенные в журнале "Педагогика толерантности" Я. А. Береговым [Береговой, 1997].

Это принцип «погружения», когда класс в течение продолжительного времени изучает один и тот же предмет «до полного его освоения». Это также принцип «укрупнения дидактических единиц», который призван создать заслон против традиционного мелкотемья в разбивке школьных предметов, против «постоянного безудержно-безумного (если не безумного) увеличения школьно-учебного материала, новых и новых учебных дисциплин, все большей их детализации и усложнения».

Это и принцип «коллективного руководимого самообразования». В рамках этого принципа достигается синергетическая спаянность членов ученического коллектива, что способствует творчеству как феномену целостности. В результате создается нечто принципиально новое. Оно вытекает из основного принципа синергетики, науки об открытых (нелинейных, целостных) системах и принципах их самодвижения: свойства целого не сводятся к сумме свойств элементов, составляющих это целое.

25. Медитативное состояние функционального согласования полушарий выступает психологической базой для решения проблемы, задачи.

Здесь актуализируется «ага переживание», целостное восприятие гештальта, по М. Вертгеймеру; целостный процесс познания, когда в акте познания участвуют все силы человеческого организма, когда человек может мыслить «всем телом», по В. В. Налимову. Действительно, познание человеком окружающего мира, при котором достигается состояние понимания, предполагает целостный охват того или иного фрагмента действительности, а для этого необходимо синергетическое включение в познание двух противоположных аспектов личности – ПП и ЛП

Медитативное состояние, интегрирующее противоположности, несет в себе дух парадоксальности, очарования миром, что вызывает удивление и развивающуюся из него любознательность, свойственную дошкольникам, у которых полушария функционируют в режиме относительной симметрии.

Таким образом, один из принципов «толерантной» педагогики – «разбудить в человеке любознательность» – прямо вытекает из культивирования медитативного состояния как цели педагогического влияния. То есть, педагоги должны всячески сохранять и лелеять медитативно-созерцательную, сказочно-метафорическую, многозначно-эмоциональную психологическую ауру, свойственную детям, формируя на ее основе способность к отвлеченному левополушарному мышлению, которое в данном случае не вытесняет правополушарное видение мира, а интегрируется в него.

26. Ощущение парадокса (удивления, озарения) – не только продукт медитативного транса, но и средство его достижения.

В системе дзен-буддизма существует методика достижения просветления, один из существенных моментов которой – коаны – вербально действенные акты, приводящие к восхищению в сиятельные сферы парадокса. Как пишет К. Хемфрейс, «коан» – это слово, фраза

или воспоминание, которое не поддается интеллектуальному анализу и тем самым позволяет тому, кто использует его, разорвать узы концептуального мышления" [Хемфрейс К., 1994]. Один из коанов, который звучит примерно так, «где ты был до своего рождения», выражает философскую идею парадокса развития (или возникновения). Новое одновременно возникает из старого (являясь актуально новым) и не из старого, ибо в этом случае стирается различие между новым и старым. Если новое возникло из старого, то оно, следовательно, было заключено в нем в потенциально-возможном, виртуальном состоянии и не является принципиально новым.

Алмазная сутра, краеугольный философско-психологический источник буддизма, содержит серию парадоксальных диалогов, призванных культивировать чувство парадокса, приводящего к просветлению [Торчинов, 1986]. При этом в буддизме спасения достигает тот, кто постиг принцип недualности, то есть достиг состояния парадоксального единства микро- и макрокосма, причем это единство может быть реализовано как в сфере отвлеченных идей, так и в сфере ощущений. В христианстве мы также встречаемся с потребностью развития парадоксального мышления, проистекающего из рефлексии парадоксальной таинственной природы Высшей Реальности. В Боге заключено "неистощимое парадоксальное таинство" [Клеман, 1994]. Интерес представляет и то, что современный эзотеризм также оперирует понятиями ПП- и ЛП стратегий познания мира [Фрисселл, 1997].

27. Не только религиозно-мифологическое, но и научно-теоретическое мышление использует парадокс как творческий элемент научного исследования.

Эту мысль можно проиллюстрировать как строками гениального поэта («и гений – парадокса друг»), так и высказыванием Н. Бора, считавшего, что для того, чтобы идея была истинной, она должна быть достаточно безумной.

Принцип полушарного синтеза как основание для развития гармонической личности в плане воспитания предполагает формирование понимания парадоксальной диалектики мира, понимания слитности полярных нравственных качеств личности. Это требование перерастает в осознание того, что человек – это цельная сущность, носитель целостного множества нравственно определенных свойств, пороки и добродетели в котором есть лишь "полюса" морального магнита, способного менять свои знаки и обнаруживать бездну моральных потенций. При этом все нравственные качества человека оказываются равнозначными «ресурсами» психики, необходимы ему для эволюции.

28. Чудо целостности предполагает встречу и, взаимное уничтожение (аннигиляцию) полярных, исключают друг друга нравственных основ социального существа и кристаллизацию «космического» существа, стоящего «по ту сторону социального добра и зла» и руководимого силой "космической" нравственности.

Образцы ее нам даны в концепциях И.Канта, В. И. Вернадского, Тейяре де Шардена и других мыслителей, стремящихся преодолеть относительность и условность механизмов моральной регуляции человеческого поведения.

29. Итак, одной из задач новой парадигмы образования является построение «алгоритмов» формирования парадоксального (диалектического) мышления, выступающего в роли как психотерапевтического, так и психолого-педагогического фактора, содействующего развивающейся личности.

Важно включить «синергетический подход к образованию», который может быть охарактеризован как гештальтообразование: «процедура обучения, способ связи обучаемого и обучающего, ученика и учителя – это не переключивание знаний из одной головы в другую, не вещание, просвещение и преподнесение готовых истин. Это – нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, солидаристического образовательного приключения, попадания (в результате разрешения проблемных ситуаций) в один самосогласованный темпомир. Это – ситуация пробуждения собственных сил и способностей обучающегося, иницирование его на один из собственных путей развития. Гештальтообразование – это стимулирующее, или пробуждающее, образование, открытие себя или сотрудничество с самим собой и другими людьми» [Князева, Курдюмов, 1997, с. 73].

30. Полушарный синтез позволяет достичь единства двух противоположных поведенческих стратегий человека – пассивной и активной.

И это в системе «синергетического образования» приобретает следующий вид: «Не субъект дает рецепты и управляет нелинейной ситуацией, а сама нелинейная ситуация, будь то природная, ситуация общения с другим человеком или с самим собой, как-то разрешается и в том числе строит самого субъекта. Нелинейное, творческое отношение к миру, таким образом, означает открытие возможности сделать себя творимым. Позволить нелинейной ситуации или другому человеку влиять на себя. Строить себя от другого. Похожий принцип находим в поэтическом государстве Поля Валери: «Творец – это тот, кто творим» (там же, с. 71).

31. «Синергетика» образования является базой творческого мышления.

«Погружение в синергетику и намерение ее использовать как "позитивную эвристику" связано, стало быть, с развитием игрового сознания. Синергетически мыслящий человек – это *homo ludens*, человек играющий. Синергетика выступает в таком случае как некий тип интеллектуальной йоги. Давая рецепты овладения сложным, она разрушает сам "рецепт", сам прежний способ рецептообразования. Она все делает гибким, нежестким, открытым, многозначным. Синергетические действие – это действие исподволь, исходя из собственных

форм образования, собственных сил, потенций. Это стимулирующее действие» [там же].

Интересно, что данная декларация принципов «синергетического» образования во многом совпадает с принципами самоактуализации в рамках гуманистической педагогики. При этом синергетический подход к образованию и самому человеку это, прежде всего, холистический (целостный) подход, «возвращение к самому себе» [Аршинов, Малый, Попов, 1996]. Данный подход в системе гештальт-терапии формирует базу для холистической медицины, когда «доктор должен будет уважать способность тела к самоисцелению и не пытаться господствовать над процессом исцеления» [Капра, 1994].

32. Синергетика образования как парадоксальное единство активности и пассивности («педагогика сотрудничества», «педагогика толерантности»).

Она находит свое воплощение в восточной философии, а именно, в правиле поведения «истинно мудрого человека»: «Безмолвный, пребывает в недеянии, но всему причастен; невозмутимый, не управляет, а все содержит в порядке. То, что называю «недеянием», означает не опережать хода вещей; то, что называю «всему причастен», это следовать ходу вещей; то, что называю «все содержит в порядке», соблюдать взаимное соответствие вещей» [Литература Древнего Востока, 1984].

33. Один из прикладных аспектов нашей концепции образования.

Психика человека как целостная сущность обнаруживает феномен «функциональной непрерывности» полушарий, когда полушария оказываются взаимосвязанными и обменивающимися энергией и информацией.

Информация, организующаяся в рамках ПП по аналого-синтетическому принципу. Затем она способна разворачиваться в рамках ЛП стратегии по линейно-аналитическому принципу. В этом случае имеет место явление взаимного обращения целостно-синтетического и атомарно-аналитического типов знания, что наблюдается в процессе решения проблемы, когда сам принцип решения той или иной задачи первоначально обнаруживается на невербальном, эмоциональном (ПП) уровне психики, а затем получает вербальную проекцию [Тихомиров, 1984, гл. 4], то есть вводится в сферу ЛП стратегии мышления.

Человек, как на заре существования человечества, так и в период своего раннего детства, отражает и осваивает мир в основном в духе правого полушария, формируя мифологическую реальность [Пучинская, 1996]. Выбатывается целостное видение мира и развивается оперирующее мифологемами синтетическое знание.

При анализе современной наукой оно оказывается адекватным объективному положению вещей [Казначеев, Спиринов, 1991; Капра, 1994; Крымский, 1991]. Язык мифа, в котором мир представляется целостным нерасчленимым единством, а субъект и объект, предмет и знак, вещь и слово, существо и его имя, происхождение и сущность,

причина и следствие, начало и принцип, актуальное и потенциальное, часть и целое, простое и сложное, естественное и сверхъестественное... так или иначе сливаются воедино [Миф. сл., с. 653–654]. И этот язык мифа может получать научную интерпретацию.

То, что в рамках мифа существует слитно и не подчиняется принципу причины-следствия (классического детерминизма), в рамках научного миропонимания может быть представлено как существующее различно и причинно-обусловлено. Соединение мифа и науки обнаруживает принцип культурно-исторической непрерывности бытия человечества, знания которого о мире оказываются существующими от века в свернутой мифической форме, ассоциативно-метафорически организованной, способной трансформироваться в научно-теоретические схемы в процессе развития человеческого общества [Казначеев, Спиринов, 1991; Капра, 1994; Крымский, 1991].

Сам феномен функциональной непрерывности полушарий головного мозга предполагает единство мифа и науки, их взаимное обращение, когда миф может получать научное понимание, а сама наука использовать «научные мифы», что показал в своей книге «Структура научных революций» Томас Кун.

Как считают некоторые исследователи, свойство мифолого-метафорического отражения действительности является едва ли не единственным способом уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

То есть, ПП (метафорический), многозначный способ постижения мира позволяет сводить воедино научные представления, задавать аналогии и ассоциации между разными системами понятий, формировать общее познавательное «поле» науки, выступая в качестве "эпистемологического доступа" к любому явлению [Арутюнова, 1990].

34. Адекватное познание человеком мира предполагает слияние научного (однозначного, ЛП) и мифологического (многозначного, ПП) типов миропонимания.

Это позволяет обнаружить подлинную реальность как Истину (ее С.Б. Церетели определил как единство противоположностей), в сфере которой соединяются противоположности и формируется дипласия – присущий только человеческому сознанию психологический феномен отождествления двух взаимоисключающих элементов. Это дает возможность развить диалектико-парадоксальное видение мира, достичь состояния «недуальности», которое в рамках буддистских психотехник трактуется как просветление.

35. Ребенок начинает познавать мир на базе мифа, сказки, которые несут в себе эталоны нормативного поведения, мудрость народов мира, позволяют прогнозировать события, строить свое поведение на основе конструирования модели окружающего, выступая при этом особым культурологическим феноменом [Большунова, 1995].

Конкретно-образная синтетическая «ткань» сказки может получать аналитическую проекцию. Сама сказка в этом случае выступает в виде научающего средства, которое способствует не только

кристаллизации абстрактно-логического мышления, но и сплавлению образа и идеи, предмета и знака, чувства и мысли.

Посредством этого формируется медитативно - интуитивное, просветленное, понимающее отражение действительности, предполагающее воссоединение экспрессивного и логического компонентов психической деятельности, что приводит к порождению феномена «подлинного бытия», поисками которого уже много веков и тысячелетий занимаются люди.

Наиболее отчетливо сказка как форма научения представлена в Новом Завете в виде притчи, где конкретный образ и его интерпретация показаны как сосуществующие. В сказке право интерпретации отдается читающему или слушающему.

Данное право реализуется им на том или ином уровне познавательный «притязаний», в тех или иных концептуально - теоретических формах. При этом сфера научных смыслов, извлекаемая в процессе такой интерпретации, практически безгранична. Более того, эмоционально-образный, конкретно-чувственный настрой сказки может явиться условием для решения проблемной задачи, ибо, как показали экспериментальные исследования, состояние эмоциональной активации включено в процесс решения проблемы, выполнения тех или иных действий.

А сама эмоция (как явление правополушарной активности) выступает предваряющим этапом формулирования решения задачи [Тихомиров, 1984], являясь "топливом" для психофизиологического «котла», где готовится это решение, и где логическое знание присутствует в «свернутом», «зашифрованном» виде.

Сказка, миф при этом понимаются как специфическая форма подсознательных («врожденных») архетипических идей, «мыслительных матриц» человечества. Чем глубже проникает ребенок в царство сказок и чем более обширно это царство, тем больше научно-теоретических смыслов он впоследствии способен воспринимать и формировать.

То есть, необходимо полное раскрытие ресурсов правого творческого полушария (суть творчества заключается в умении мыслить целостно, соединяя факты и реалии, относящиеся к разным сферам жизни), необходимо не спешить заменить его активность левополушарной.

Как писал А.В. Запорожец, «ум человека, у которого в детские годы не сформировалось должным образом непосредственное восприятие окружающего и наглядно-образное мышление, может получить впоследствии одностороннее развитие, приобрести чрезмерно отвлеченный от конкретной действительности характер» [Запорожец, Неверович, 1974].

Акцентируем, что одна из краеугольных задач восточных медитативных психотехник есть активизация правополушарных («созерцательных») способностей, освобождение человеческого сознания от опеки дискурсивного левополушарного мышления, которое занимает преобладающее место в системе психической деятельности

современного человека: недаром левое полушарие называют доминантным.

Сказка как способ соединения актуально-действительного и потенциально-возможного посредством оперирования виртуальной реальностью, испещренной различными метаморфозами, переходами одного в другое, позволяет сформировать способность «надситуативного», творческого отражения действительности, способность видеть целое раньше частей, выходить за границы непосредственной данности, преодолевать ограниченность однозначных конструкций «высшей целесообразности» [Кудрявцев, 1997].

36. Выход в сферу многозначного парадоксального понимания мира позволяет видеть в вещах необычные качества и использовать их в функциях, им не свойственных.

Единство банального и необычного, которое здесь обнаруживается, формирует диалектически-парадоксальное мировоззрение, развивает способности к спонтанно-творческому поведению, характерному, как полагает А. Маслоу, для самоактуализованной личности.

Призыв к полному использованию эволюционных ресурсов ПП, когда мы не спешим переходить к ЛП формам деятельности (то есть, попросту игнорируем принцип «опережающего развития», примером чего может служить Вальдорфская школа), может показаться странным в наше время – время информационного бума, когда, казалось бы, следует всячески ускорять интеллектуальное развитие детей.

Однако замедленное психическое развитие ребенка (если причиной этого не выступают психофизиологическая патология или бедное в информационном отношении внешнее окружение) может означать подготовку «плацдарма» для дальнейшего быстрого взлета в ослепительную сферу творчества. Некоторые великие люди (такие как Ганс Кристиан Андерсен, Альберт Эйнштейн, Томас Эдисон, Нильс Бор) характеризуются замедленным развитием в детстве. Причиной замедленного разворачивания некоторых ЛП способностей у детей с замедленным развитием американские ученые видят именно в функциональном несовершенстве левого полушария [Педагогика толерантности, 1997].

Можно предположить, что в данном случае правое творческое полушарие получает возможность полностью раскрыть свой потенциал за счет уменьшения эволюционного напряжения в процессе функциональной конкуренции с левым полушарием. Нужно сказать, что развитие ребенка по сравнению с развитием животного характеризуется замедлением некоторых фаз, когда, как показал Х. Грубер, маленькие котят обнаруживают первые стадии развития стабильного объекта в случае его отсутствия в поле внимания в три месяца. Ребенок же достигает подобного уровня развития только в девять месяцев. Однако при этом котят не продвигаются в своем развитии дальше. В связи с этим Ж. Пиаже спрашивает, «не будет ли в

этом случае меньшая скорость развития ребенка фактором его дальнейшего развития?» [Обухова, 1995].

Итак, можно сделать вывод о том, что назрела настоятельная необходимость в разработке специального психолого-педагогического направления, занимающегося проблемой научающей сказки [Родари Дж, 1978], актуальность которой неизмеримо возросла вместе с практически полным устранением религиозно-мифологических институтов общества.

Одна из программных целей данного направления может быть разработка процедур составления научающих сказок и интерпретация уже имеющихся. Приведем пример одной из таких интерпретаций. В сказках о «Репке» и «Курочке Рябе» мы можем найти воплощение в форме наглядно-действенного наивного мышления многих математических, физических, философских принципов. Это и законы перехода количества в качество, отрицание отрицания, а также правило последовательного аналитического («цепного») мышления: «бабка за дедку, дедка за репку...».

Это и один из законов теории катастроф («мышка хвостиком махнула и яичко разбилось»), гласящий, что всякая система может достаточно долго сопротивляться разрушающему воздействию извне за счет внутренних компенсаторных возможностей, пока не исчерпает ресурсы своего «гомеостаза» и не начнет распадаться. Данный распад приобретает лавинообразно-катастрофический характер, поводом для которого может послужить самый ничтожный фактор.

37. Концепция новой парадигмы образования закладывает теоретическую базу для понимания иных проблем, которые к образованию имеют прямое отношение.

Речь идет о проблемах психотерапии. Одной из них являются неврозы, порожденные утратой смысла жизни [Франкл, 1990] Данные неврозы которые можно полагать самыми серьезными по их сложности и последствиям для личности, взятой во всей ее полноте ее составляющих, занимают пограничное положение на шкале невротических расстройств, располагаясь между психосоматическими болезнями и "болезнями сознания", связанными с патологией духовной ментальной сферы человека, откладывающей отпечаток на его мировоззрение, то есть напрямую воздействующей на этический аксиологический, когнитивный праксеологический, социальный личностный аспекты индивида.

38. Концепция новой парадигмы образования, эвристической идеей которой выступает формулировка психофизиологического и социального личностного содержания цели психологического педагогического воздействия в рамках образовательного процесса и теоретическое обоснование путей достижения состояния гармонии человека, являющейся этой целью, – данная концепция может получить более рельефную интерпретацию, если рассмотреть ее основные аспекты также в контексте психотерапии.

Одним из самых общих подходов к пониманию проблемы неврозов является психоаналитический, основная идеология которого, хотя она и характеризуется определенной теоретической ограниченностью своих метафорических построений (что признавал сам З. Фрейд, основатель психоанализа), позволяет очертить фундаментальный механизм развития невротических расстройств. З. Фрейд представлял психическое здание человека в виде двух «комнат» – комнаты сознательного и комнаты бессознательного, разделенных стеной и дверью. Дверь воплощает в себе цензора, играющего в системе психоанализа роль символа регуляторных механизмов, привитых человеку в ходе его воспитания. Все то, что не получило соответствующую реализацию в сфере жизнедеятельности человека, вытесняется в бездну бессознательного, либо просто не может быть извлечено из этой бездны на свет сознательной рефлексии.

Таким образом, человек несет в себе комплекс бессознательных влечений, которые постоянно дают о себе знать в виде нежелательных психосоматических состояний. Одним из методов выявления этих состояний является метод свободных ассоциаций. С помощью цепи ассоциативных впечатлений врач вместе с пациентом погружаются в глубины невротизированной психики, чтобы найти причину невроза и проанализировать его, растворив в волнах вербальной рефлексии. Суть данной процедуры можно выразить словами З. Фрейда – «там, где было Оно, должно стать Я».

Конфликт между бессознательным и сознательным, приводящий к неврозам, по мнению В.Н. Пушкина является ни чем иным, как конфликтом между регуляторным (сознательный волевым) и энергетическим (эмоциональным) уровнями человеческого организма [Дубров, Пушкин, 1990, с. 61–63].

В качестве механизма образования неврозов, по В.Н. Пушкину, может быть рассмотрен изолированный очаг, складывающийся в регуляторной энергетической системе. Данный очаг, изолируемый от этой системы на основе некоего сверхсильного возбуждения, порожденного стрессорной ситуацией, начинает оказывать влияние на динамику энергетических процессов мозга, вызывая не адекватные эмоциональный поведенческие реакции. Он, «искажает» мировоззренческую сферу индивида, порождая неврозы, излечение которых связано с ликвидацией застойного очага, изолированного от всей регуляторной энергетической системы мозга за счет механизма индукции нервных процессов, описанного И.П. Павловым. Суть данного механизма заключается в том, что по закону индукции очаг возбуждения способен наводить вокруг себя очаг торможения, а устранение застойного возбуждения приводит к снятию индуцированного тормозного барьера.

39. Каким же образом процесс осознания (или, точнее сказать, процесс осознанного отреагирования, проигрывания стрессорной ситуации на "сцене" аналитической рефлексии) приводит к катарсису, освобождению от невроза?

Ответ на данный вопрос нам помогает дать концепция новой парадигмы образования, основанная на концепции функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека.

Дело в том, что доминирование правополушарной психики означает и преобладание нервных процессов возбуждения, а доминирование левополушарной психики означает преобладание нервных процессов торможения [Голубева, 1980].

Кроме того, правое полушарие можно считать субстратом бессознательной [Спрингер, Дейч, 1983], а левое – сознательной сферы жизнедеятельности человека. Как показали исследования А.Р. Лурия, люди, не владеющие в полной мере абстрактным аналитическим, левополушарным мышлением, оказываются не способными анализировать свои личностные качества и, по всей видимости, ими не обладают [Лурия, 1974].

Таким образом, онто- и филогенетическая эволюция человека наполняется психотерапевтическим содержанием, более того, становится понятным и религиозный мифологический контекст этой эволюции. Если полагать, что данная она предполагает движение от правого к левому психическому модусу, а от него к их слиянию (то есть от перцепции к апперцепции а от нее – к их синтезу), то можно утверждать, что это движение координируется двумя коренными состояниями психики – правополушарным, обеспечивающим эмоциональный энергетический фон возбуждения, и ЛП, обеспечивающим информационный аналитический фон торможения нервных процессов.

Правополушарная способность к генерации нервных процессов возбуждения (которая «дает толчок» эволюции человека и человечества, что отвечает многим энергетическим концепциям этногенеза) составляет содержание бессознательного пласта психики, в рамках которого человек не отделяет внутреннего от внешнего, Я от не-Я.

Именно здесь заложено объяснение явления трансценденции, описанное трансперсональной психологией, показавшей, что история культурологический аспект человечества оказывается онтологически пронизываемым для отдельного индивида, а микро- и макро - способны приводиться к единству [Гроф, 1993].

Левополушарная способность к генерации нервных процессов торможения может предполагаться базой для формирования вербальной аналитической рефлексии, для концентрации внимания, для логического мышления, которое подавляется при активности правого эмоционального образного полушария, и для актуализации воли, как аналитического рефлексивного феномена, которую П.В. Симонов называет «антипотребностью».

Механизмы воли функционально прямо противоположны механизмам реализации потребностей и влечений, протекающих из ПП активности, являющейся онто- и филогенетически более древней, чем активность ЛП и обнаруживающее большую генетическую обусловленность по сравнению с ним [Роль..., 1988].

40. Функциональная дифференциация полушарий не исчерпывается их антагонистическими отношениями.

Как мы писали, при их функциональной гармонии генерируется медитативное творческое состояние, являющееся психофизиологическим ориентиром для развивающейся личности, ибо здесь снимаются все противоречия между чувственным (бессознательным) и логическим (сознательным). Человек предстает как целостная сущность, обнаруживая возможность для преодоления своих психологических кризисов. Можно предположить, что медитативное состояние достигается посредством взаимного погашения очагов возбуждения и очагов торможения, что приводит, как показывают энцефалографические исследования медитативных состояний, к синхронизации электроритмики мозга.

41. Процесс слияния и взаимного погашения очагов возбуждения и торможения предполагает с одной стороны выход в сферу интуитивного медитативного просветляющего постижения действительности, а с другой – приводит к высвобождению внутреннего потенциала за счет взаимной нейтрализации («аннигиляции») противоположностей.

Таким образом, метафора П. Вайнцвайга о творческой мощи человека, проистекающей из баланса противоположностей, оказывается удивительно верной, особенно если проанализировать практику достижения состояния сатори, т.е. просветления, в рамках дзен-буддистских методик, свидетельствующих, что человек, достигший кеншо (одного из уровней просветления), испытывает огромное облегчение, реализуемое в серии движений, смехе и т.д. При этом, как пишет С. Кацуки, данная реакция по продолжительности может занимать несколько дней [Кацуки, 1993].

Получается, что целью жизни человека является с одной стороны накопление опыта жизненных испытаний, имеющего психопатологическую подоплеку, ибо любой опыт – это результат определенного психического напряжения, граничащего со стрессом или с ним непосредственно связанного.

При этом соматические и психические симптомы выступают в качестве приспособительных реакций, то есть являются необходимым условием развития человека ([Казначеев, Спиринов, 1991, с. 214–215]. Данную мысль в резкой форме выразил Р. Лэинг в книге «*Политика опыта*», где он писал, что сумасшествие «является разумной реакцией на безумное социальное окружение».

Как записано в материалах «*Социалистического коллектива пациентов в Гейдельберге*», «болезнь есть надломленная, противоречащая себе самой жизнь, следовательно, такая жизнь, которая уничтожает себя в самом процессе, в котором она себя поддерживает» [Браун, 1982].

42. Состояние просветления как соединение противоположностей (на Востоке говорят о соединении Сансары и Нирваны, просветления и помрачения), являясь целью

развития человека, может быть и целью воздействия психотерапевтических методик.

Следует сделать важнейший вывод: состояние просветления, являясь тотальной сущностью, снимает множество психологических симптомов, когда множество очагов возбуждения и торможения взаимно нейтрализуются – процесс, который имеет название «очищение».

Поэтому избавление от той или иной конкретной психологической проблемы, характеризующейся рядом специфических факторов, может быть достигнуто не в процессе скрупулезного психоаналитического исследования, а благодаря медитативному трансу, получившему в системе психотерапии множество наименований. Вопрос заключается в выявлении наиболее оптимальных техник достижения этого трассового состояния. Оно предполагает единство чувственной экспрессивного и рациональной логического компонентов психической деятельности и характеризуется целым рядом черт. Одна из существеннейших таковых черт – парадоксальность, проистекающая из соединения в рамках одного контекста несовместимых явлений.

Научное издание

Вознюк Александр Васильевич

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ

Житомир, 2007

Редактор Вознюк А.В.

Корректор Вознюк В.В.

Компьютерный набор и верстка Собкович С.К.

Макетирование Собкович С.К.

Дизайн обложки Скачков Д.В.

Подписано к печати 27.08.2007. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,6. Тираж 100. Зак.